

18+

Дмитрий Лашевский

Трилогия пути

Дмитрий Лашевский

Трилогия пути

«Издательские решения»

Лашевский Д.

Трилогия пути / Д. Лашевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964351-3

Внимательный читатель легко определит время и место действия этой книги. Но под верхним слоем скрывается ещё не один. По мере усложнения сюжета, на фоне отношений человека и природы разворачиваются тонкие психологические коллизии, которые, в свою очередь, позволяют воплотиться, обрести язык и образ идеям экзистенциального плана. В результате три внешне самостоятельных сюжета, перекликаясь между собою, порой едва уловимыми отсылками, образуют единый многоуровневый поток, единый Путь.

ISBN 978-5-44-964351-3

© Лашевский Д.
© Издательские решения

Содержание

Трилогия пути	6
На реке	7
1	7
2	10
3	13
4	18
5	24
6	27
7	31
8	34
9	38
10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Трилогия пути

Дмитрий Лашевский

© Дмитрий Лашевский, 2019

ISBN 978-5-4496-4351-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трилогия пути (повести)

Быть может, и вам следует пройти такой же путь. Я хочу сказать, что и вам нужно плыть вниз по тёмно-коричневому потоку с деревьями по сторонам и голубым сводом над головой.

...Но где находится эта Река, в каком месте?

Роберт Янг

На реке

1

Умер последний всплеск. Он сочно ударил по воде, рассыпался, – и жёлтая рябь растаяла. Тёплый ветер скорее заглаживал, чем теребил поверхность. Пауза не содержала времени, как сон. Тишина стояла такая, из какой не бывает выхода.

Зуев вздрогнул и заново усилился. Вернее, вздрогнули трицепсы.

– Не надо, Антон, – попросил Белов. Он сбился с ритма и, пропустив такт, включился с левой руки. Время вновь двинулось.

Зуев недоумённо едва не до обиды смотрел вперёд. Весь день они боролись, и там, впереди, иногда приближаясь до окрика, всё время шла соперничья двойка. Её, правда, не удавалось решительно настичь, да Зуев, может быть, и не очень хотел этого, наслаждаясь преследованием по узкой, но пока бедной событиями реке, – а вот теперь вдруг они остались одни. Чужая байдарка какой-то неведомой силой легко оторвалась и скрылась за поворотом. Они достигли этого поворота, однако, выскользнув из тугой излучины, увидели только длинную пустоту. Река шла прямым отрезком и упиралась в тяжёлый сосновый лес, как прекращаясь: совершенно непонятно было, куда и как она вывернет. Лес вздымался горою, деревья теснились, некоторые из них иссохли и в ожидании бури точно прицеливались, куда упасть. Солнце освещало край леса, не проникая внутрь. Было впечатление всеобщей неподвижности, среди которой труд байдарки томил и злил.

Вглядываясь в фальшивый тупик, Зуев машинально укоротил и стал резать воду быстрыми, напряжёнными гребками. Несколько раз он больно шаркнул пальцами по борту. Тогда Белов перестал грести и положил весло. В больших дюралевых лопастях играл желток. Белов улыбнулся.

Зуев обернулся на удвоившуюся тяжесть и тоже опустил весло. Байдарка скользила по инерции, обгоняя течение. Глядя в воду у самого борта, с замороженным вниманием различая частички беглой взвеси, – её скорость была усыпляюще головокружительна. Скатывающиеся с лопастей капли бисерной нитью дробили воду, но всё реже. Некоторые глухим напоянием прострачивали по громадным завишневевшим листьям, в изобилии окружившим байдарку на тихотечье. Тонкие пуповины их жизни длинно тянулись из тинистой глубины. Плавунцы крейсировали между листьями, воображая их портами. Навстречу им с небес низвергались стрекозы. Настигнув друг друга, их брачно изогнувшиеся тела трепетали в воздухе, на миг замирали и распадались навсегда. Шальной мухолов проносился над рекою и, извинившись, пропадал в ивняке. Дружные палочки теней брызгали прочь от зелёного чудовища.

– Кто понял жизнь, тот не торопится, – сказал Белов. – Не горячитесь, своё возьмём.

– Десять лодок, а мы восьмые, – возразил Зуев.

– Это пока. Гонка длинная, с наскока тут ничего не решишь. А есть же объективная сила – она и скажется. Тут расклад важен, а фора эта – ничто. Ну, километров пять... Вам и так сегодня тяжело... – он сделал паузу и дипломатично добавил: – будет.

Зуев совсем развернулся и поднял брови.

– Второй день всегда, – объяснил Белов. – Руки ломит, спинакер ноет, поппендикс зудит... Привыкайте пока, это ещё присказка. Завтра можно и посильней взяться.

– А у других не болит, что ли? – проворчал Зуев. Он был раздосадован, с какой точностью понято его состояние, но радовался заботе.

– У всех болит – так они на отдых-то и торопятся. А вы уж больно всерьёз. Всё-таки так не ходили: вам – ввыкнута надо.

Они снова взяли за вёсла, словно за три минуты соскучившись по работе. Лес надвигался. Прижимаясь к нему, расплёснутая река теперь заметно изгибалась влево и сужалась – до прыжка гепарда, почему-то подумал Зуев, оглядывая тихие заросли. Он перевёл взгляд на воду и тревожно сказал:

– Камень!

Крупный таш всплывал со дна чёрным бегемотом. Лодка уже влетала в его засаду.

– Видите?

– Вижу, – спокойно ответил Белов, который был повыше напарника и через голову легко контролировал.

Но он ничего не сделал. Зуев ожидал касания, удара, однако камень прокатился под дном; и только в конце Белов чуть вывильнул, чтобы не задеть румпель.

– Чёрт! – воскликнул Зуев. – Как вы их! Думал, как раз наскочим.

– Хорошо сидим, – ответил Белов, конечно, про осадку, но тень шутки всплыла и тут. – Только старайтесь углядеть пораньше. Вот сейчас, – встревожился он.

Впереди показалась целая гряда небольших щербатых камней. В них, вспыхивая бурунами, течение усиливалось, уходя главным руслом вправо, под выкруглюющийся берег. Белов переложился, прошёл мимо камней и, вскользнув в струю, резко нажал левую педаль и затабабил, скомандовав то же и Зуеву. Протока была узка для разворота, и корму вынесло, но Белов толкнулся веслом о берег и выровнял ход. Это было слишком просто для удовольствия, однако участие Зуева, с его лёгким ко всему восторгом, утончало впечатление.

Байдарка теперь весело бежала вдоль самого берега, так что иной раз чья-нибудь лопасть, не дохватив воды, шваркала о дно и выволакивала порцию прилипшего ила. Слева манила глубина, но Белов вёл лодку по самой ниточке скорости, мелкими переборами педалей повторяя изгибы. Тени гребцов, со странной крылатостью взмахивая руками, перепрыгивали со ствола на ствол: сосны здесь подступали прямо к воде, вымывавшей из-под них глину и обнажавшей корни. Некоторые, теряя устойчивость, уже искосились над рекой в ослабевающей хватке.

Зуев опасливо посматривал вверх:

– А если упадёт?

– Падают, – Зуев показал на противоположный берег. Там было берёзовой и, вопреки песне, которую вечером перед началом регаты исполнял им в доме культуры, сыром и холодном, как бы предвещающая погоду направления, местный хор в составе пяти задорных старушек и баяниста, по совместительству директора этого сырого дома, нестойчей – берёзовой и нестойчей. Одни стволы просто обломились и тесно вгнивали в берег. Другие выпали из земли и, цепляясь за неё мшистыми комлями, с грузной вялостью, как потерявший сознание человек, сопротивлялись разворачивающему их течению. Все они, видимо, упали давно, потому что были мертвы.

Впрочем, вскоре реку перегородило живое дерево. Это была большая пихта, макушкой она достигла встречного мыска и протянулась мостом. Сверху хвоя повыгорела, но нижние, то есть прежде западные, ветви тянулись в воду, оставаясь малахитово зелёны. Их густая радиальность, искажённая падением, создавала сеть, сквозь которую река пробивалась с полошущим шумом. Когда путники подплыли, они увидели вырубленный в ветвях проход.

– Для нас, – заметил Белов.

– И так и останется? – не сдержал наивности Зуев.

– Ну, что вы, половодьем снесёт. Тут так вздувает...

Зуев присмотрелся. Следы давнего половодья, раньше как-то не бросавшиеся ему в глаза, сейчас показались действительны до невероятности.

Берег повысился. Он представлял собой глинистый трёхметровый откос, из которого щупальцами бесконечного спрута тянулись ищущие добычи корни. И те из них, что поизвилистей и крючковатей, были унижены пучками сухих водорослей и вообще разнообразной реч-

ной травы и мусора. Когда-то бурно пронесшиеся, теперь эти седые клочки обозначали подъем воды. Чтобы достать до верхних, нужно было бы встать в байдарке и ещё вытянуть руку.

– Фантастика! Неужели вода так стояла?

– Так ещё и не межень. Тут, говорят, к нынешнему метр падает, откиньте-ка. Тогда уж пешком...

Зуев вообразил, что будто они плывут внутри реки, по середине её глубины, какие-то двоякодышащие – этою и той реальностью, во всё корчующем сумасшедшем потоке, выдержать который они слишком слабы и погрузились... Он, пока эта реальность была спокойна, прикрыл глаза, пытаясь чужой памятью почувствовать над собой толщу той, миновавшей, – и потом с азартом спросил:

– А что, весной тоже ходят?

– Весной и ходят, – ответил Белов, – только на катах. Ну, каяки ещё. Но это другое. Это, Антон, совсем другое. Там своя жизнь. Там люди отчаянные, рискованные, за адреналином рвутся. А нас мало. Мы, если хотите, каста, дистанционщики. Гляньте, выдра!

Невдалеке текла маленькая чёрная голова. Заметив лодку, выдра рванулась к кустам, её спина на миг змеино выкатилась из воды, чёрный контур рассыпался на пунктиры и скрылся. Из кустов донеслось кряканье, и несколько серых птиц беспокойно замельтешили над местом.

– Так что мы не одни, – сказал Белов. Сам он чувствовал постороннюю закулисную жизнь привычкой догадки, не одним только зрением и слухом, – и был немножко рад случаю предъявить её действительность.

Повечерело. Река засеребрилась, и шум её не расслаивался в пространстве, а, будто отражаясь от акустических сводов, весь концентрировался в том невидимом тоннеле, которым двигалась байдарка.

– Попьём, – попросил Зуев.

Тоненький ручеек вкраплялся сбоку. Они вошли прямо в его устье, Белов взялся за траву, а Зуев, склонившись, стал ловить во флягу расплёскивающийся по камушкам ручей. Пил он горячо и выпил сразу почти половину.

– А здесь вода другая, – удивился он, передавая флягу. – Та хвоей пахла, а эта... будто жемчугом. А, Станислав?

– Вы с этим Станиславом иной раз искупаетесь, прежде чем договорите, – проворчал Белов. Ему понравилось про жемчуг. – Вкусная вода, настоящая.

Они тронулись, но в мышцах стояла трудная лень. Свет ослаб, и солнце уже сидело где-то в левом лесу.

Белов перестал грести, развернул карту и решил:

– Пора на ночёвку.

– Так рано? – на всякий случай спросил Зуев, которому мягкая подставка под спину на шпангоуте казалась раскалённым напильником, и хотелось побыстрее куда-то лечь, хоть на дно.

– Можно бы ещё, да пока ищем...

Зуев мысленно простонал. Однако долго искать не пришлось: минут через десять река вдруг расширилась и обнаружила островок с признаками пристанища. Островок, занявший всю прежнюю ширину реки, был полностью лиственный, без единой ёлки, и уже затеял отдалённую игру с осенью. Сероствольные осины, прячущиеся в берёзовой гуще, напустили по кромкам лёгкого праздничного кармазину, а берёзы стояли побледневшие, в той тонкой лимонной усталости, которая присуща лицам ожидающих роды женщин, и от которой иных, как, например, Зуева, последним усилием выпрыгнувшего на траву, посещает вкус счастья, больше всего напоминающий почему-то напиток хлористого кальция... Ближе к воде преобладали ветлы, но среди них, сосупив со склона, возвышались ильмы, вытянув свои ветви далеко

навстречу приплывающим. Их зелень сохранялась без помарок. Это был одухотворённый остров.

Сойдя на берег, Зуев попытался размять и соединить своё тело, но оно сопротивлялось отдельными болями и затёками. Тяжело двигаясь, он насобирал берёзовой всячины и в готовой каменной выкладке развёл костёр. Под иногда взглядами Белова у него было досадное ощущение, что тот проверяет его – в вещах простых и обыкновенных, и, может быть, оттого котелок долго не устраивался... Белов тем временем установил палатку и провозгласил:

– Вот, пять минут – а дом.

Он сразу же вспомнил, что накануне уже произносил эту фразу. Но Зуев ответно кивнул и пообещал:

– Сейчас каша будет.

Он относился ко всей этой походной обыденности с таким искренним любопытством, как будто никогда в жизни не покидал города, где каналы прямее проспектов, воды тихи, а деревья в парках высажены по визиту. Впрочем, Белов допускал, что так и было.

Кашу они ели уже затемно, когда звёзды соперничали с остывающими углями: зуевский костёр быстро прогорел и только случайно вспыхивал от настигнутой сухой тростинки. Зуев думал, что проглотит ужин, но гречневая каша, соблазнительно испещрённая специями, едва елась. У Белова тоже не было аппетита, и в котелке осталось. Зато чай они настояли круто и, бросив по зёрнышку сахара, долго пили из жестяных кружек, с наслаждением глядя в небо. Глаза слипались.

Они забрались в палатку и обняли землю. Какая-то единственная птица высвистывала скучную непрерывную мелодию. Зуев хотел спросить, как она называется, но постеснялся и уснул.

2

На другой день, действительно, ломота спала, всё тело прояснилось, и Зуев почувствовал, что спина, готовая и привычная к интенсивной работе, может и просто терпеть, – и устойчивость терпения была приятна. Он почти свыкся с чрезмерностью байдарки, которая ему поначалу казалась курицей на голубином круге. Тяжеловесная мысль затевать спортивные гонки на таких судах выступила из чуждости, как вот посторонний человек, а заговорить – и бывает, окажется близким и понятным... Больше всего его раздражала ширина корпуса, из-за которой, даже сидя на родном высоком сляйте, – весло входило в воду слишком полого – и приходилось вырывать, толком не закончив проводки. Вёсла, правда, были соответствующей длины, однако, доворачивая, усилие уходило вбок, и он приспособился к укороченному гребку. Мозолей, как ожидал, на ладонях он не натёр, и, несмотря на отсутствие древесной упругости, в этом brutalном весле чувствовалось всё более какой-то стремительной жизни.

Утром он пожаловался Белову на всё это несовершенство.

– Погодите, – ответил тот, глядя куда-то поверх времени, – придёт и к нам хайтек.

Пытался дуть ветер, но его смаривало, и всей силы хватало на то, чтобы поклонить Иванчай, местами густо приветствующий плывущих. В заводях раздавались чугунные всплески. Река вяло текла по среднегорному плато, то подпускающему болота, то обнажающему скальные останцы. Они ещё почти не участвовали в реке, следили молчаливым дозором.

Несколько флегматичных коршунов парили в вышине, тихо покачиваясь. Они делили небо на концентрические сферы влияния, при этом не сближаясь и не обращая друг к другу надменного взгляда, – их крылья только изредка с удивлением вздрагивали, поднимая повыше. Завидев людей, они вырисовали несколько напряжённых фигур, слегка смещая и сминая свои круги, потом один коршун отделился и полетел за байдаркой; другие пропали.

Вкрадчивое течение иногда без видимых причин сбивалось и переводило стрежень от берега к берегу. Белов, однако, не перерезал струи, превращая её в долларовый символ цели, а следовал всем причудам реки с изворотливой точностью, словно это был единственный путь, по обочинам которого колыхалась пропасть... Благодаря этой тонкой заботе течения, Зуев стал ловить ощущение скорости, которое накануне лишь подступало, а в первый день не явилось совсем. Ощущение было соотношением усилия и отдачи и поначалу опомнило в нём те недели перед соревнованиями, когда он, войдя в хорошую и злую форму, клал в нос байдарки, своего изящного светло-маренгового «Эльфа», восьмикилограммовую гантелину и гонял с этим привеском мучительные отрезки, чтобы потом, выйдя на старт, освободиться и полететь. Теперь – они ещё не летели, но уже что-то лишнее убралось, боль вытаивала, и появлялась правильная лёгкость: мышцы схватывали скорость как гармонию. Уму это не вполне соответствовало, потому что даже с течением они шли вдвое медленнее спортивной одиночки, – но то было давно. Не обманывает ли он себя? – однако чувство слитности наплывало несомненно. Тело, весло, партнёр за спиной, вода – всё было одним и тем же, цельным, сообщённым в каждой детали, так что не нужно было ничего преодолевать, а движение совершалось связно и естественно, как дыхание. Оставалось только чутко удерживать этот единый ритм, который, увы, был пока пунктирным и часто терялся...

Они плыли без фартуков, убедившись в нежности к ним реки; солнце с утра было влёрнуто в белёсую бумазею, – и Зуев снял майку. Занятый своими ощущениями, он размахался вовсю, позабыв следить сзади.

Белову сейчас приходилось тяжело, но он с удовольствием смотрел на спину напарника, забрызганную веснушками возраста. Впрочем, он тут же вспомнил, как недавно... или наоборот, давно, ведь для всех существ лета это было более полужизни назад, как смеющийся палец пересчитывал веснушки на его собственной шее. Ему стало тепло и щёкотно это вспомнить, он мотнул головой, стряхивая примостившегося слепня, и подумал, что можно замахнуться на первый приз, тем более спина Зуева работала как точный металлический механизм. Но тут же осёк себя.

Спина, в самом деле, протягивала, словно штамповала, гребки: Зуев самозабвенно считал до тысячи. Дельта веснушчато поигрывала, а косые мышцы половинками насыщали рельеф, – при каждом гребке снизу вверх пробегала узловатая волна, на долю секунды железно застывала и откатывалась. Руки при этом словно не двигались, влитые в торс, и лишь в самом конце, когда лопасть проходила бедро, резкий коршуний сгиб локтя переменял положение рук, и веер капель осыпал деку оранжевой дробью.

С лёгким восхищением Белов пытался повторить. Это было очевидно, но не совпадало. Или корпус шёл враскачку, или предплечье вработывалось до онемения, и горячий гребок вдруг замедлялся и застревал на середине... Когда же всё-таки получалось, – для Зуева это были те самые заветные мгновения скорости, а для Белова – ускорения, из которого он, дойдя до быстрого предела, тяжело вываливался. Ему тогда начинала казаться регата какою-то забавой, в которую он извлёк из жизни серьёзного, действительного человека, снисходительно претерпевающего их детское приключение, – и потусторонняя, метафизическая совесть Белова от этого вспышками страдала. Он не знал, что Зуев чувствует про себя то же самое: что он маленький и детский, из прихоти, из случайности, из игры вступившей в серьёзную заботу этих взрослых, умелых людей, приспособленных к любой природе...

Они не отвыкли ещё от сознания юности, мало ли что показывало зеркало, да и показывало лишь чуть высунувшееся из себя прошлое; и каждому из них другой казался постарше, а они оба ещё только приблизились к тридцати.

Вскоре утра в ветках ветлы, под которые занесло их течение, затрепыхался белый лоскут. Белов придержал его и прочитал на ходу:

– «Завалихин – Купцов, семь пятьдесят».

– Полтора часа, – обеспокоился Зуев.

– Ну, это ещё не совсем та публика. Полтора часа за день можно отыграть. Процентом десять иметь преимущества по скорости, чуть больше...

– А если они не то время написали? Ушли, например, раньше, а сзади упрутся?

Белов положил весло на воду, оно запрыгало, рисуя волны.

– Вас так часто обманывали? – спросил он после молчания.

Зуев смутился. Он тоже положил весло и сторбился.

– Вообще-то обманывали...

– Тут так не бывает, – сообщил Белов спине. – Это Гонка! Здесь джентльмены не из анекдота про «масть пошла». И потом, хоть это не важно, отрывы-то маленькие, по километру, по два, – всё на виду.

Зуев кивнул и первым поднял весло.

– Не та публика, – продолжал рассуждать Белов, набирая ход. – Ребята аккуратные, вместе давно, но какой-то силы в них нет. Кравченко, вот который со старта рванул, он может. Помните Кравченко? – да вы сразу обратили на него внимание.

– Это в кепочке, гигант такой?

– Ну, гигант не гигант, а кулаки – в какой руке булка хлеба. Здоровый парень, только невезучий. Сейчас он с Микипорисом, а этот тоже машина, да авантюрист, забияка. Но могут...

– А у которых вся байдарка разукрашена, лихие такие, со старта укатили.

– Белоглаз с Лозинским? Не исключаю. Но больше всё-таки я опасюсь Дёминых.

– Близнецов?

– Ну да. Они местные, и когда-то здесь ходили, да не раз. И лочия у них наверняка – не чета нашей карте. Конечно, хороший дождь – и к чёрту лочия, а всё же...

Белов заговорился и плоско шлёпнул по воде. В ответ плечо его окатило плеском, сорвавшимся с зуевского весла. Вышло нечаянно, но нервно, и вскоре, словно бы разрешением этой пуанты, Белов ошибся.

После небольшого переката, к каким Зуев уже привык, их вынесло на широкое мелководье. Видно было, как уклонно поднимается к ним дно, выстланное красновато-серой галькой, на которой царственно возлежали зубчатые валуны в колышущемся обрамлении малахитово-тинистых мантий. Гребцы замедлили ход, потому что приходилось уже извилисто пробираться меж камнями, и Зуев напряжённо всматривался в воду, коротко командуя. Вся река серебрилась и позванивала, как закипающая в кастрюле вода. Множество чёрных остроугольников вонзалось в рябь, но Белов не знал, какой из них выбрать, и когда сообразил, что лучше было идти под левым берегом, было уже поздно: они вошли в струю, и байдарку понесло, оцарапывая дно.

– Камень! – выкрикнул Зуев.

Белов резко нажал влево, пытаясь перейти в параллельный ток, но лопасти, погрузившись наполовину, со звоном втыкались в слоистый панцирь, – и байдарка беспомощно встала поперёк течения. Несколько метров её проволокло, потом она наткнулась и накренилась.

– Сходим! – мгновенно скомандовал Белов, выскочил и развернул байдарку по струе.

Зуев тоже выпрыгнул и охнул. Галечное дно, сверху казавшееся мягко-пупырчатым ковром, было полно острозубья, при каждом шаге врезавшегося в стопы.

Будто подтанцовывая, они повели байдарку наискось течения. Она несчастно трепетала. Пришлось пройти шагов сто, пока под самым берегом вода не поднялась к коленям и дала волю гребцам.

Река сузилась густыми и высокими травами, в которых светились белые и малиновые цветочки, пронизывая безветрие едко-сладкими запахами. Столбцы речного лука слабо стрекотали по бортам. Линии течения погасли, и Белов мягко следовал береговому изгибу. Но ближайший поворот вновь выпестрил мель, раскидав берега. На этот раз Белов заранее прижался

влево, как по ниточке обвёл мель и на подпоре перед бурою печиной, земляным языком оползшею в воду, выскочил на фарватер.

Теперь, так и чередуя отмели с тихими узинами, река сильно меандрировала.

– Эх бы! – махнул Зуев наперерез.

– Показана тут одна лука, – согласился Белов, – посмотрим, посмотрим.

– Так можно? – удивился Зуев.

– Да, конечно...

Они прошли очередной поворот и одновременно замерли с поднятыми вёслами. Впереди из кустов качнулась и выделилась рогатая морда. Громадный лось, пофыркивая, вошёл в воду. Это был великолепный зверь, лишённый горчичной вялости зверинцев; шкура его чёрно-золотисто поблескивала. На середине реки лось остановился и склонил рога. Он пил – как глядел на своё отражение, или можно было, чуть прищурившись, вообразить раскинувшего крылья на лоснистом одице альбатроса, готового выключнуть рыбку и перисто улететь.

Белов тронул педаль, разворачиваясь боком, – вода под рулём зашелестела. Лось услышал, заметил людей и бурно бросился прочь. В одно мгновение он вскинулся на осклизлый берег и, проломив тальник, исчез. Зуев с восхищённой надеждой вытягивал шею, словно ожидая, что зверь передумает и вернётся. И когда до обеда ничего сказочного более не произошло, ему стало по-детски одиноко и немного скучно.

3

Пологая безлесая гора была полна отзревающей клубники. Нарвав её, покуда Белов хлопотал суп, Зуев теперь обсасывал плодоножки и лениво кидал их в костёр. Белову эта клубника не нравилась. Он отыскал поблизости калинник и набрал горсть прозрачной горечи, не зная, что теперь с ней делать.

В природе ничего не менялось, день стоял удивительный, лишённый времени. Оно было только внутри чувства, но без движения почти замерло.

Вдали показалась лодка. Она шла неровно, унисон вёсел то и дело разбивался враспашку; однако, завидев дым и людей на берегу, гребцы состроились и не без лихости подлетели к горе. Это был студенческий экипаж, вышедший на первую гонку. Ребята ещё не поняли, в чём они слабее остальных и отчаянно старались.

– Привет молодым! – крикнул Белов, встав, но не спускаясь.

– Привет старикам! – последовал ответ в тон. – Кто впереди?

Белов хмыкнул. Ребята ещё не обедали и шли не самыми последними только потому, что в десятой байдарке была такая же зелень. Тем не менее, он ответил серьёзно:

– Должны быть уфимцы. В получасе, наверное, ну, чуть больше. Если сейчас встанут, успеете. А то давайте к нам.

Студенты заколебались, завистливо вдыхая дымок. Они явно измучились. Но гордость взяла верх.

– Спасибо, мы ещё поработаем...

В азарте им хотелось настичь и следующий экипаж.

– Пятнадцать минут, – сказал Белов, вновь опускаясь на траву. Он прикусил былинку и закрыл глаза, чувствуя и поворачивая в груди так и эдак жизнь, как с отрешённо-долгим вниманием поворачиваешь в пальцах милую вещь.

Зуев начал собираться.

Если ходовой день был ограничен только ночью – и силами гонщиков, то обязательный обед должен был продолжаться не меньше полутора часов; и Зуев опять спросил, только уже себя самого, все ли этого придерживаются. Впрочем, он успел почувствовать, что идти наот-

машь – себе дороже, и что, если б не какой-то зуд, позывающий в путь, он тоже сейчас разблаженствовался бы на тёплой траве.

Четверть часа минули, Белов зевнул и потянулся за картой.

Зуев смотрел за игрой плавунцов, пытаясь запомнить одного и выследить его минутную судьбу... Он понимал, что они скоро нагонят студентов, – но это не умирало волнения и неопределённости, словно какие-то ирреальные смыслы завладевали душой. Он с чем-то не совпадал, но не знал – с чем. И остающийся на песке след не вполне соответствовал шагу, когда они, разувшись, вошли в воду и дихордом оттолкнулись от клубничного берега.

Река подхватила их и понесла с заботливой самостоятельностью, а когда ход был набран, он оказался лёгок и завораживающ, как ускорение. Выйдя на длинную прямую, дальний конец которой акварельево расплывался, Белов повёл байдарку по тонкой безупречной струне; а Зуев, свободный вниманием, насвистывал чуть слышно, стараясь в ритм гребли вместиť какую-нибудь мелодию. Иногда желудок его журчал трепетный аккомпанемент...

За поворотом река уклонилась с головокружительной зримостью и мощно выгнулась влево. Дальний берег был так глубоко внизу, что казалось удивительным, как скошенная плоскость воды медленно удерживается, а не обрушивается всею толщей. Ощущение приглашало байдарку, как по бобслейному жёлобу, соскользнуть туда. Однако это было арзисное течение, обманка. Ключнув на неё, студенты теперь барахтались внизу, как в яме, на бесполезной суводи. Белов придержал к берегу, возле которого вилась весёлая и живая ниточка скорости, и поверху вошёл в поворот. Тем временем соперники выкарабкались и разгонялись, почти уже настигнутые. Обе байдарки прошли скромный перека́т, несообразный с подготовительным титанизмом реки, – и теперь их разделял вытянутый осерёдок, по которому гуляли грустные долгоносики. Белов взял на мысок, и байдарка пронеслась в полуфуте от края, точно и мягко вошла в струю и пошла счётом в её возбуждённой плоти.

В несколько невесомых гребков лодки сравнялись.

– Снова здравствуйте, – сказал Белов.

Студенты были совершенно мокры.

Зуев, чувствуя, как удлиняет партнёра, подпустил в гребок чуть ленцы – вернее, той кажущейся технической ленцы, которая скрывает действительное напряжение силы. Студенты махали заметно чаще, но их нос потихоньку отползал. За пять метров параллельности была слышна тяжёлая резкость их дыханий. Вскоре они перестроились в кильватер, однако и на волне не могли удержаться. Тогда, бешено взбуренив воду, они спуртом догнали ведущих и даже выскочили на полкорпуса вперёд. Зуев удивлённо покосился. Студенты разорвали невидимую ленточку и опустили вёсла.

– Мы – обедать, – сообщил загребной. – Привет передним, только, похоже, они вас многовато наставили.

Белов задумчиво кивнул, придерживая гребок.

– Завтра поборемся, – пообещал рулевой. – Записочку только подвесьте.

– Конечно, конечно, – отозвался Белов. – Вы думаете со светом выйти?

– А что! – залихватски возразил тот, уже уводя в сторону, где среди ивняка, проткнутого несколькими берёзками, выдался галечный пляж.

– Долго не встретимся, – пробормотал Белов.

Студенты, может, и не расслышали, а в Зуеве встрепенулась преферансная душа, и он весело обернулся. Белов, однако, минуту будто о чём-то раздумывал и только потом, прищурившись решением, вложился в работу.

Стайка чаек пролетела навстречу, то и дело прижимаясь к воде. Их спутавшиеся чёрно-белые синусоиды оставляли в воздухе лёгкий слоистый след, видимый улыбающейся изнанкой воображения. Затем гончики опять остались одни.

Но одиночество длилось недолго, как в мечте. Река стратегической дугой прощания отклонялась к западу, где, всё равно за горизонтом, был единственный, и последний, город. Далее река оставалась наедине с тайгой. Сам город стоял на другой реке, тѣкшей, благодаря водоразделу, противоположно, – и, глядя на карту, это походило на встречу двух близких и равных людей, ещё равных, из которых первый отправляется в нежное умиротворение юга, билет в один конец, а другой, невольным волнением приникая к встречной судьбе, уже взял суровый жребий...

Река не достигала города, но он слал к ней своих послов. Стали попадаться покосы с громадными, издали похожими на слонов, стогами, лес всё чаще расступался, по холмам заблестели поля. Кое-где росли, сбегая в долину почти к режущей берег дороге, жгучие травы, название которых Зуев когда-то знал, – и с чувством двоюродности проплывал мимо. В одно месте берег шёл долгим уклоном, – и тысячи капустных голов, казалось, собирались скатить в реку.

Разреженные, как коршуны, урчали трактора, и то и дело странная и неожиданная фигура человека вырастала на берегу, косаря или рыбака, будто заимствованного в даях. Некоторые махали руками и кричали что-то очевидное и неразборчивое. Завидев их, Зуев чувствовал одновременно радость и что этого не нужно. У многих рыбаков, вместо удочек, были проводочные ловушки с деревяшкой поплавок, и приходилось их огибать, чтобы не запутать лески.

В заводях рыбачили с лодок. Когда байдарка приблизилась к одной из них, старичок, горбиком застывший в ней, не оборачиваясь, поднял сморщенный палец. Детски повинувшись, гребцы подняли вёсла и покатались тихой скользью. Старичок посмотрел на них исподлобья, как сквозь туман. Ему было лет семьдесят.

– Спасибо, – прошептал он. – Голавля беру, пугливая особь. Плеснёшь – разбежится мигом, и снова подманивай. Запросто.

По воде теребился накрюченный кузнечик. Рыбак перевёл взгляд на него.

– Удачи, – тоже шёпотом сказал Белов. – Наших видели?

– Недавно пробежали... Пару взял да один сошёл, так вроде будет... Часов-то нетути, – он снова поднял взгляд, на этот раз ясный и горький.

Байдарку уже вносило в поворот. Они прошли его и увидели хутор, в воде плескались ребяташки, с визгом бросившиеся за байдаркой. Один из них, худой стремительный мальчуган лет восьми, пронырнул наискось и едва не ухватился за корму, но Белов вильнул, и мальчику в лоб ударила лёгкая, короткая волна. Он пошёл кролем и отстал. За хутором следовали луга, вдали блестели крыши деревни, громадное стадо, вытянувшись чуть не на километр, паслось вдоль берега. Где он был полог, коровы входили по вымя в воду, провожая лодку такими же взглядами, какими смотрят цветы или лужи. Всё было как в настоящей жизни, и всё-таки тень неправдоподобия падала в душу. Может быть, оттого, что вот-вот все эти пейзажи должны были исчезнуть.

Деревня осталась сбоку, новая, с чёрными приземистыми домами и покосившимися заборами, выросла на берегу. Миновали и эту. Высаживаться было незачем: набор продуктов, даже и ржаного долгосрочного хлеба, выдавался сразу на весь поход, а надеяться на случайное снабжение этих мест не приходилось...

На краю деревни хозяйки, которым хотелось близко улыбнуться, тёрли на мостках длинные половики, пылал бесхозный костёр, ритмично кланялся журавль, и два пьяных голоса громко ругались через реку.

Навстречу попало несколько плоскодонок. Влиты стоя в них, тёмно-одинаковые, глаза в бороде, фигуры плечисто толкались трёхметровыми шестами и одолевали течение. Некоторые везли сено. Следом проплыли спасители Рима, безо всякого надзора, обгакали байдарку, и гордый вожак повёл их дальше.

– Вот вам натуральная Россия, Россия душой, – вдруг сказал Белов. Там её уже не чувствуется. Там жизнь, деятельность, работа, что угодно. Но душа здесь – в этих берегах, в этих людях.

– О Rus! – произнёс Зуев вслед гусям и обернулся: – в этой нищете?

– Погодите! – сказал Белов с тем же дальним прищуром, как утром – про экипировку. – Дайте душе жизнью-то обрасти! У нас страна ещё, можно сказать, в пелёнках, ничего толком нет; но коль будет – дойдёт и досюда.

Зуев как-то легко понял, что напарник его верит в прямолинейную силу пути и готов приложить её ко всему. Эта сила любое явление схватывала воображением и проецировала в будущее. Значит, действительность всегда стремилась улучшить саму себя.

– Новорожденная страна с тысячелетней историей, – сказал он. – Тысячу лет стояли эти чёрные хаты, полгода по колено в грязи, и ещё столько же простоят, если только ваш прогресс не слизнёт их, как бык языком, с земли. Я просто не могу представить, чтобы здесь – что-либо переменялось!..

– Ну, к этому спору лет бы через двадцать вернуться.

– Да хоть через сто! – неожиданно воскликнул Зуев. – Вообразите: кончается двадцать первый век, полёты на Марс, телепатия, термоядерный синтез, искусственное сердце. А тот старик так и сидит с удочкой и считает часы голавлями да дни до пенсии. Вы бы смогли, например, здесь жить, то есть по-настоящему?

Белов пристально смотрел на него и молчал. Хрустальные капли скучно скатывались по оранжевой деке. Налетел ветер и несколькими штрихами навёл тусклость на отражённое небо. Лодка слегка заиграла. Волосы тин, почти бездвижные у самой поверхности, казались нарочито-пластмассовыми.

– Ладно, Антон, хватит теорий, – разрезал Белов. – Что сейчас говорить... Смотрите-ка!

Двойная дорожка маленьких пузырьков вилась впереди байдарки. Это были не плесне-вело-опухшие пузыри, какие мутным потоком текут после перекатов, а утончённо-редкий след работы недавних вёсел.

– Взались? – кинул Зуев через плечо.

Как гончая, байдарка понеслась по следу. В то же время ещё более потемнело и начался дождь. Он дробил несильно и ровно, шорохом фона, не просачиваясь внутрь, где разгорячённые мышцы совершали свой летучий азарт. Дождь, по энтропийной привычке стихии, стирал следы, однако в сплошной пупырчатости опытным вниманием можно было уловить маленькие искусственные воронки, – и Белов не упускал невидимого соперника.

– Чисто идут, – негромко одобрил он; но Зуев отчётливым толчком сердца услышал, что это означало: а я пройду чище. И полузабытая дрожь нервов постучалась в его тесные, все в капельках, пальцы.

Вскоре в обрубленной перспективе реки, растушёванной моросью, показалась байдарка. Через два-три колена расстояние сократилось метров до ста.

– А это не уфимцы, – удивился Белов, когда на очередном повороте из-под капюшонов блеснули напряжённые профили. – Этих я плохо знаю.

– Сильный экипаж?

– Да не сильнее силы!..

Соперники, которых теперь им подставила река, были одеты в ветровки с плотно завязанными капюшонами, так что, погружённые в акустику дождя, не слышали ничего за спиной, – и Белов, войдя в их воду, подкрался незамеченным. Затем он, словно одним длинным зависшим прыжком, выскочил в уровень. Зуев с одномоментной вибрацией удовольствия и сожаления заметил, как те испуганно дёрнулись в сторону и сбились; это был изящный удар.

Белов, не сбавляя хода, обменялся парой быстрых фраз и уже отваливал, не дав ухватиться. Впрочем, соперники и не пытались. Они шли одоленьем, приняв дождь неприятностью

и препятствием, отчего их гребля выглядела тяжеловесно и предельно. Да уже и заходилась этот долгий день, всех утомив; только Зуев был не утолён и оборачивался, предлагая или предполагая схватку. Второй раз сегодня он ощущал в теле пронзительную готовность глубины. Но насыщения не было: дождь, пульсирующая река, чужая байдарка, печально-сиреневатый вечерний свет, – всё это они пересекали диагональю...

Через полчаса, когда соперники совсем отстали, на дальнем берегу, под скалою, остро-зубо вдающейся в небо, полыхнул свет.

– Вот и они, голубчики!

– Отдыхают уже, – сказал Зуев.

В самом деле, уфимцы успели поставить палатку, натянули тент и теперь ждали только, чем их порадует котелок. Костёр трещал и пах пихтой.

– Эй, сибариты, дождя испугались! – позвал Белов, подходя к берегу.

– О! – откликнулся лёгкий гортанный голос, но никто не появился из-под тента. – Никак Стас Белов козыряет: в ночной обгон пошёл. Али на наш огонёк забрели? А мы сидим, забубённые головушки, чаёк раскинули, ждём – кого б угостить...

Белов промолчал, а шумно, с плеском, сработал веслом.

– А? – раздался тот же голос, когда и Зуев взялся за весло. – Чтоб нам лопнуть с этого чая! Ну, Никола в путь!

Белов фыркнул. Они несколько отплыли.

– Вы обиделись, что ли? – спросил Зуев.

– На Ромку-то? – Белов рассмеялся. – На него не разобидишься, лукавый парень, но хороший. Надёжный.

– А то бы к ним...

– Заскучали?

– Просто как-то категорично.

– Не хочется лишнего напряжения. Зачем в долги влезать? Встанем сейчас спокойненько...

Но пролетел луг без единого деревца, и затем оба берега круто взмыли вверх.

– Вчера они упорно шли, – заметил Зуев.

– А сегодня мы.

Наконец, уже в десятом часу, к реке прилёг удобный косогор. Оставив байдарку внизу, они травами поднялись к опушке. Какой-то колючник обжигал голые ноги. Дождь незаметно кончился, ветер развеивал облака, в проёмы сочились слабые звёзды. В механические минуты, пока они устраивались, серый цвет сгустился до кобальта и, в центре мира прожжённый столбом желтизны, загадочно заслоился в ночь.

Вниз вдоль реки вела чуть примятая колея. Чуть не на ощупь Зуев спустился ею и вышел в поле. Вся равнина была залита тонким озером тумана, из которого возвышались тёмные рифы стогов. За туманом, должно быть, начиналась бесконечность. Ветер шевелил ветви, роняя капли, и всё вокруг сжималось, как покинутое и неживое. Кеды холодно измокли, но от колющей одинокой радости Зуев забыл заботу об этом. Тихие, мерные звуки охраняли его внутреннюю судьбу. Стоя в фиолетовом ветре, он дышал, как напиток. Он шагнул вперёд, в туман, и тут же паутина липко расползлась по лбу и щекам. Зуев снял её, будто рукою спрашивая у лица – чего хотеть.

Из тёплой, сухой глубины стога он навывергал сена, сколько вместил обхват, и понёс его к палатке. Берег казался пустынным и непохожим. Лишь шагов за сто из темноты вызрел костёр, Белов как раз снимал котелок.

– Сегодня на мягком спим, – сказал Зуев, вываливая сено.

– Только потом верните, – ответил Белов, всунув руку в травы и с наслаждением шевеля пальцами.

Зуев хотел удивиться, но вперёд того почувствовал стыд. Стыд призраком прошёл сквозь него и растаял.

– Конечно, – кивнул он посторонним голосом.

Белов поднял на него блестящие рыжим жаром глаза.

– У нас тут ещё два овоща осталось. Употребим или как?

Он достал из мешка гигантский огурец.

– Завтра лучше, – попросил Зуев.

– Тогда на утро, пожалуй, тушёнку откроем – и хлеб с огурцом. А на обед картошечку заправим, как? Берите карамели, берите...

Фантики с двух сторон полетели в костёр и зелёно вспыхнули. Тягучая сладость не могла перебить тройной крепости чая.

– Да, – сказал Зуев каким-то запрятым чувством, – это, наверное, и означает: быть русским. Но ведь это же всё было, тысячи раз было...

– Только вас не было, – ответил расплывающийся Белов. Он переживал зуевское небезразличие памятью своих странствий по рекам земли.

Ветер описал полукруг и плеснул в лицо дымом. Зуев встал и закашлялся. В голове, над самыми бровями, появилась стремительная боль. Он влез в палатку и закутался в одеяло, стараясь надышать тепло. Внутри глаз, оживая, проплывали стоячие существа реки – кусты, камни, обломленные стволы... Хотелось остановить их, но было нечем, а Белов уже спал, разомлев на сене.

4

Когда Зуев долгими и мучительными толчками выкарабкался из сна, Белов уже шумел снаружи, и был робкий, не продышавшийся свет. Зуев потянулся и позвал сквозь палатку:

– Станислав, рано же!

– Антониан, семь! – ответил весёлый голос.

Зуев замычал, приподнял в холод голову, потом рухнул и заснул. Через полминуты он опять проснулся. Пока он выбирался, его проняло до дрожи. Небо отсутствовало, тонкий переменчивый ветерок просачивался сквозь тело с лёгкой отстранённостью циркового чародея. Пришлось встать на колени и вытянуть из палатки куртку, ночь прослужившую подушкой. Всё равно было холодно, и Зуев запрыгал около костра, чуть не всовывая влажные кеды в огонь.

Белов протянул ему бутылку с водой. На её полиэтиленовой талии сохранилась жаркая апельсиновая этикетка. Зуев поёжился. Белов стал поливать. Зуев умывался яростно, стараясь втереть воду в мозг, пропитанный тяжёлою взвесью сна. Умывшись, он посмотрел на реку, словно ожидая перемены цвета. Но река матово застыла, и волнистые мышцы течения казались нарисованными. Туман уже рассеивался, стал сквозист, но исчезающая оболочка оставляла в воздухе лёгкую молочную дымку, как печальную сущность.

Белов вскрыл тушёнку; аромат мяса перерезал влажный букет побережья. Белов на секунду прикрыл глаза. В некоторые мгновения он воспринимал реку одними запахами. Их всегда трепетные, неустойчивые, готовые перелиться акколады хранили шифр её души, – и стоило, остановив механический ход жизни, в паузу между ударами сердца внезапно внять им, как схватив и сняв пенку дифференциала, вдаться, вглотнуть, – сейчас же внутренним изливом своих смыслов река половодила ум, так что можно было, не открывая глаз, в эту бурную секунду перечислить всю хромодинамику, геометрию и ботанику реки, изнанкою замерших запахов...

Они поели, вроде бы согреваясь. Зуев хмуро мечтал, как в другой раз проснётся первым и всё приготовит. Потом он разобрал палатку, выволок сено и понёс его обратно в поле, с удивлением воображая себя. Это сено не могло иметь значения, но производило долг перед какой-

то отсутствующей идеей; и, не найдя вчерашней дырки, он приткнул его к стогу. Утренняя равнина, не вполне просветлевшая, холодная и неуютная, дышала иначе вечера, более живо и вочеловеченно, и нельзя было стоять без дела, для одной прелести чувств.

Зуев пошёл лесом, по колено в чернике. Он набрал быстрюю горсть и поднял несколько жёлтых сосновых лап. Однако Белов уже затушил костёр.

– Уфимцы прошли, – беспокойно сообщил он.

Зуев посмотрел на реку, потом на часы. Было без четверти восемь. Он заторопился.

Белов ударами топора вскапывал землю округ кострища. Получилась ямка, куда он всунул обожжённую банку, сыпал угли и сверху прислоил живой, корневистой землёй.

– Полейте, вот и заживёт, – сказал он.

– А было бы место, – заметил Зуев, исполняя обряд.

Белов, который уже отошёл с вёслами и палаткой, обернулся и пожал плечами. Несколько ромашек, освобождённых от ночной тяжести, самочинно шевелились. След стоянки словно уже напрягся зарости. В общем, береговая жизнь, в машинальной правильности, не нуждалась в излишестве объяснений; и Белов спустился на берег Эйдоса, заранее думая бег скорости.

Они надели фартуки дождливого цвета, придавшие байдарке цельную пологость. Белов выдернул из записной книжки листок, начеркал на нём и нанизал на голый пруттик.

– Веточка, передай весточку!

– Представляю, каково последним, – сказал Зуев.

– Хаживал и я последним... Зато знаешь – всё впереди... Ну, в путь!

Река заюлила, сгорбилась и подскользнула под байдарку.

На удивление быстро настигли они уфимцев, – те, видимо, работали вполсилы, словно просыпаясь. Их байдарка шла короткими дугами, сочетая игру течения с надрезом длины. Заслышав погоню, они, чуть напоказ, прибавили.

Ромин напарник, Дима Башкаков, на суше кореватый и медвежистый, в байдарке преобразался ладною мощью. Чуть выкачивая вперёд тело, чтобы удлинить непропорциональные росту руки, он каждый гребок, даже в этой рассветной не разогнанной вялости, вырывал острым, отдельным акцентом, пороговой вспышкой силы, успевающей в микропаузу откатиться и отдохнуть. При этом напоре, лицо его закаменело невозмутимостью, а взгляд был куда-то унесён. Он, хотя и сидел загребным, был повыше Ромы и совсем блондин; от этого, идя за ними строго в кильватере, – над чёрною Роминой макушкой смешно вспыхивал светлый торчок волос.

Когда лодки поравнялись, Рома положил весло и стал дуть на покрасневшие руки.

– Перчатки подарить? – предложил Белов.

– А! – воскликнул тот, будто только что их увидел. – То-то, я гляжу, говорят, Стас себе такую команду наберёвал, – всех подряд на лопатки кладут, беги и бойся...

– Fight-or-flight так-то, – не оборачиваясь, буркнул вдруг Дима, продолжающий отрешённо работать в одиночку.

Рома выразительно выгнул бровь и кивнул на напарника, словно приглашая – в битву или погоню?

– Кто говорит? – поинтересовался Белов.

– Так курьер же вчера прибыл, прямо с юга вечерней лошадью, – Заманов поцокал и, держась за цевьё, как за вожжи, сделал телом гибкий кавалерийский жест.

Зуев беззвучно рассмеялся, подгребая Башкакову.

– Они у вас стояли? – вспомнил Белов вчерашний обгон.

– Угу.

– Что ж вы одни пошли?

– Да вот пошли...

Рома поправил сляйт, сделал гребок, вновь поправился, перевернул весло, взялся и, наконец, заработал. Байдарки чуть разошлись и понеслись параллельно.

Километров десять миновалось без всякого передыху. То одна лодка вырывалась вперёд, то другая, но внутренняя пружинка не давала им распасться. Между тем река сузилась и взбystрилась. Берега, элевируя, потемнели; в хвойной глубине едва можно было различить сбившийся кружок осин; граниты, разорвав покровы, выпирали, чередуя небольшие монолиты с причудливыми насыпями; и реке всё мучительнее было пробивать русло...

Первый порог прошли играючи. Уфимцы в этот момент оказались чуть позади, – и поток, которому было только покорствоваться, внёс в отверстия врата обе байдарки, потом соскальзывая вниз. Байдарка пришлёпнула, мутный вал перекатился через нос, набежал Зуеву на колени и разбился струйками, оставив только в фартуке серебряные лужицы. На выходе из порога высился треугольный одинец, раздваивая течение. Разницы, на глаз не было, но Рома повёл врозь с Беловым.

– Заманиваешь, Заманов! – крикнул тот.

Рома не повернул головы и, неувовимо усилившись, опередил. Вряд ли он хотел тут оторваться: эти моменты не имели никакого стратегического значения, но превращали долгое и однообразное плавание в череду маленьких ярких сражений. И у этих сражений был свой подтекст.

Белов добавил – и на второй счёт Зуев точно откликнулся. Они шли под правым берегом, каменистая стена которого упиралась в небо, а внизу обрывалась гигантскими плитами, с воды неподступными. Из расщелин, по-птичьи вцепившись, росли кривые сосёнки, иные параллельно воде. Рома громко щёлкнул языком из противоположного фокуса, – эхо ударило громко и отчётливо.

Река поколебалась, а потом приняла к западу. На лишней хорде Белов всё же приотстал, но это были ничтожные полсотни метров; и если Башкаков грёб с прежним автоматическим надрывом, то Заманов заметно отдыхал. Зуев с ревнивым удовольствием смотрел в его приближающуюся спину. Рома грёб красиво, никакого напряжения не выпуская наружу. У него была восточная гибкая талия и плавные руки, в одежде он казался худым и хрупким. Однако Зуев в первый же, жаркий, день имел возможность оценить стальной конус спины, упругость бицепсов и жилистое своеобразие предплечий. В отличие от напарника, Рома так сливал капельки усилий, что проводка его, независимо от ритма, лучилась лёгкостью, засверкивающей стержень труда.

Вскоре лодки выкатили на второй порог. Он был образован сжатием излуины, в её углу, и казался непроходимым, пока лёгкий поворот не открывал двухметровый излив между сплошной грядой валунов и голой серебристо-чёрною скалою, справа наискось врезавшейся в реку. Вода, ударяя в скалу, выела в ней круглую нишу, готовую втянуть всякую плавучую слабость – и размазать в белом кипении по стене. Эта ниша проглатывала слабый отжим, создающийся благодаря косине скалы, и волны, вырвавшись, вскипали уже ниже роковой черты, образуя небольшую бочку. Следовало пройти вплотную слева, однако рассыпанные в русле таши мешали глубокому заходу. Уфимцы не стали лавировать, а отошли под правый берег. Белов последовал за ними. Заманов вёл уверенно и лишь метрах в сорока от скалы скомандовал остановиться. Байдарки сблизилась. Рома развернул поперёк течения и маленькими гребками выводил под проход, притом, что боковой вектор упоённо гнал на скалу. Башкаков замер с веслом наперевес. Белов понял, что Рома играет не с рекою, а с ним, не оставляя траектории повторить маневр: если б они пошли следом, их прибило бы к валунам. Он затабанил, держась оси створа. Когда уфимская байдарка достигла критической точки и, рывком переложив почти прямой угол, влилась в поток, Белов крикнул – и вёсла завертелись. Нужно было успеть превзойти скорость течения, чтобы сманеврировать в самом жерле порога. Но едва сделав четыре гребка, Зуев поднял весло.

– Ах, хитрый татарин! – зарычал Белов.

Рома, войдя в створ, и не подумал разгоняться. Он фигурно использовал вращательный момент. Напору течения, стремящегося вмять лодку в нишу, у самого зева которой та проскользнула, он подставил короткую дугу разворота, спокойно опёршись на кипящую воду правой лопастью. Только на исходе вращения Башкаков чуть продёрнул вперёд. Всё заняло секунды, однако казалось невозможно медленным задним, которым байдарка загрозила проход.

Белов не успел ничего крикнуть, да и река оглушительно клокотала. Ему оставалось только среагировать на Зуева, если б тот на что-то решился. Зуев видел, что скорость потеряна, впереди чужая байдарка, а струя несёт их слева направо, готова удар. Ещё миг – и борт вцепился бы в нишу. Автоматически Зуев выкинул вбок весло. Над самой водой оно вонзилось в гранитную грудь, и тут же сзади лязгнуло второе весло. Заманов хищно обернулся. Река застонала.

Упругие взвинченные мышцы реки схватились с неподвижной силой двух людей, упёршихся против воли вод. В какой-то безжизненный миг байдарка почти остановилась. Река выворачивала её из-под упора, мечтая опрокинуть. Зуев мгновенно вспотел. Байдарка накренилась, погрузив левый борт в пену, но уже течение вытаскивало её вперёд, остря параллелограмм сил. Гребцы одновременно толкнулись и схватили волну. С далёкой стороны, может быть, для изумрудной стрекозы, замершей на тихой камышине, для её стогранных глаз, – всё это было замедленным, прилипчивым касаньем. Белов даже не был уверен, ощутил ли Зуев, когда они качнулись на игле равновесия – и удержались. У него самого в животе, широко и часто ударяя, оттаивало.

В несколько взмахов они догнали уфимцев.

– Поздравляю, Стас, это точно наш человек! – воскликнул Рома, кивая на Зуева. Потом спросил его: – Ну, как, сердчишко не ёкнуло?

– Это он так извиняется, – пояснил Белов.

– Дорогой, – тут же взвился Рома, – ты бы мог постоять на берегу и подождать, пока асы пройдут.

– А ты бы улепетнул, – пробурчал Белов. – Вот злодей! Сам, небось, испугался, а теперь строит из себя тактика...

Заманов тонко улыбался.

Зуев обернулся к Белову:

– То есть, если бы мы сейчас киль поймали, – это входит в джентльменский набор?

– Ну, приоритет всегда за лидером. Никто ж нас, в самом деле, в спину не толкал.

– Тогда какого ж... – Зуев было начал, но осёкся. Неужели его, в самом деле, так проверяли? Он зло прищурился и вернулся к ровной работе.

Река успокоилась, её податливая геометрия, в точной лекальности быстрин, не требовала сейчас ничего, кроме упорства. Время и погода мелькали где-то сбоку. Километр за километром пьянящего спора словно сегодня же должны были разрешиться неким торжественным итогом. Ни один экипаж не хотел отпускать соперников, и часто они шли бок о бок. Они и на обед встали вместе.

– Ох, матушка, ноги затекли, – постанывал Заманов, вытянув руки и приседая.

Белов разминал спину. Башкаков неопределённо потыкал воздух и сел, отдуваясь, возле костра. Зуев очень устал, но, глядя на остальных, чувствовал в себе, где-то под лопатками, неуловимый признак преимущества, и хотел это выделить. Он подрубил высохшую ёлочку, принёс её к огню, потом занялся вещами, развесил на ветвях подмокшее, и ничего не отдыхал, пока в его миску не налили дымящийся условный борщ. Он взял миску с голодной лёгкостью, ожогами отогревая руки. С удивлением хотелось обратно в байдарку.

– Этак на Урал-реке, у казаков, в старину пламенный гон бывал, – неожиданно разразился речью Башкаков, лёжа на спине и прикрыв глаза. Он говорил неестественно тихо. – Тоже к осени, за красной рыбой. Сигнал дадут и – все разом на реку, а там кто обгонит, того и рубеж, загребай сети. Реку делили... Бударки у них назывались...

– Слушайте Диму, он у нас эрудит! – Заманов поднял палец.

Белов и Рома переглянулись. Гребля на туристской байдарке по изменчивой узкоструйной и каменистой реке не позволяла, чередуясь, долго идти друг у друга на волне. Поэтому гонка получалась на кто – кого. Не помогая турбуленциями, а постоянно подстёгивая друг друга, стремясь занять удобную позицию на перекате, внутренний радиус или беглый фарватер, поддерживая напряжение борьбы, связка из двух лодок шла быстрее, чем бы поодиночке. Экипажи нуждались в соперничестве, особенно догоняя. Однако же тут не было нарочитости или игры в борьбу: нужно было воспринимать так всерьёз, чтобы выкладывать душу. И действительно, под расклад каждый был готов и рад уйти в отрыв, зная, как это ударяет по отставшим, и полагая сброс конкурента довольным возмещением некоторому отягчению личной судьбы...

Эти мерцающие, узорчатые отношения связывали Заманова и Белова, продолжавших ревниво следить друг за другом. Минувшие часы обозначили равенство, но нарастало ожидание, что оно надломится, – и само нарастание, истончая, делало связь скоростей опасно-хрупкой.

После длинного, зигзагом, переката, река вынесла на плёс. Здесь было темно, как уже вечером, с крутых берегов на головы стекали тонкие плачущие ветви. На одной белела записка. Рома придержал, прочитал на ходу и засмеялся.

– Что там? – спросил Зуев.

– Лозинский поздравляет с днём рождения, целует тысячу раз, мчит на крыльях... ну, и прочие сантименты.

– Кого?

– Да дочку свою...

– Ну, так что? Раз рация есть, почему не поздравить.

Рацию передавали на шедшую последней байдарку, для экстренных случаев.

– Как с Южного полюса, – блеснул белками Заманов.

– И далеко они там умчали... на крыльях? – спросил Белов.

Рома посмотрел на часы с таким крупным синим циферблатом, что на нём, кроме календаря и компаса, возможно, располагался и барометр.

– В пределах, – объявил он. – Двадцать минут с обеда ушли. Вы как их хотите сделать – сегодня али до завтра потерпите? Можно бы и сегодня, да ведь у дочки день рожденья, настроение человеку испортим, жалко...

Зуев зачерпнул воду и полил на цевьё. Рома продолжал балагурить. Вода была тёплая, храня верность лету. Рябь набегала с носа, и в минутную передышку байдарки остановились. Краем желания этот плёс хотелось отъединить и уснуть. Но он скрывал в себе очарованную скорость. Первым вступил Башкаков, Зуев взял повыше, Белов подхватил. Разогнавшись на мёртвой воде, сквозь вязкую тяжесть было – словно щекотливое предчувствие невесомости вмятого в своё кресло космонавта. Плёс крокодилово забурил.

Когда байдарки выскочили на быстрину, они летели точно поверх воды, с чуть неловким ощущением холостой пустоты в руках. Обузданная река покорно несла их.

Под вечер, когда уфимцы, намереваясь, видимо, опять встать по месту, предпочитая детали комфорта крохам времени, улучив момент, резко оторвались, Белов и Зуев не стали бороться. Зуев мог бы поднажать, однако Белов решил отстать, не выпуская из виду. Он ценил свободу собственного хода, а целый день гнаться зависимо, рука об руку с соперниками, – в конце концов угнетало. Он бы и сам ушёл, но знал, как репыв Заманов.

Река упиралась в чёрный бор и круто поворачивала направо, разливаясь. Под короткою дугой лепёшкою лежал травянистый остров. Расстояние между ним и берегом заросше журчало. Основной поток миновал остров слева, но издали была видна бежевая бегущая на месте полоска мели, от острова наискось вонзающаяся в реку и уводящая к перекату в самом углу извилины. Уфимцы как раз шли вдоль этой полоски, всё сильнее забирая влево.

Белов вдруг переменял курс. Зуев оглянулся, недоумевая, где тот хочет пристать. Но Белов держал вправо от острова, куда вводили нитяные протоки.

– Мы не заблудимся?

– Закон туризма: если торопишься – не иди незнакомой тропой, хотя бы она и казалась короче... Всегда вспоминаю его, прежде чем нарушить.

– Упоительная дидактика, – согласился Зуев.

Они врубались в заросли. Здесь было множество параллельных коридорчиков, едва в ширину байдарки, разделённых стеною камыша, или ракитовыми стволами, или грядюю щетинистых кочек, с которых сплюхивались бурые лягушонки. Кое-где ветви кустарников сплетались над ними, округляя замкнутость. Некоторые коридорчики оканчивались тупиками, где безнадежно бурлила вода, просачиваясь меж красноватых пальцев корней, другие соединялись проймами, перетекая друг в друга; все было спутано и запутано, но беспутно ли?..

– Тут ил, продерёмся, – прокряхтел Белов.

Они уже не гребли, а отталкивались, хотя, когда Зуев ткнул под себя, воды ещё была целая лопасть. Только неясно было, как ориентироваться в этом вырезанном из реки лабиринте.

Белов пробирался возвращением в опыт любимого, расплетая логику узоров, которыми дарила его река. Его вела ниточка течения, которую, даже теряя глазами, он различал на слух – и поворачивал, сменяя кочки, туда, где журчание было насыщенней и горячее, словно грудной голос сквозь высокие колокольцы напевал ему песню поиска... Ворочаясь в зарослях, байдарка, казалось, сама знает, куда плыть. Нужно было лишь подтолкнуть, и она, днищем волнисто прорезая ил, не теряла хода. Всё получилось как-то быстро и ловко. Впереди блеснуло, протоки слились, и кусты расступились. Лодка протаранила камышовую изгородь и оказалась на вольном просторе. После лабиринта река представлялась огромной отрисованной панорамой. Задником чернел лес. Россыпь полосатых головок была чёркнута вдоль травы. Метрах в ста позади, поднимаясь по струе, будто застыли уфимцы. Плеснул ветер.

– Ходу! – весело приказал Белов.

Он не ожидал такого эффекта от короткого слова. Зуев пошёл как-то ново, неожиданно. Каждый его гребок в протяжности телесного томления был не вполне собой, а приготовлением следующего, разминкой, разгоном перед ним. И этот следующий, действительно, вбирал в себя предыдущий, покрывал его с верхом, однако сам вновь оказывался предварением, обещанием большего, – и эта череда фрактальных усиления куда вела – в завораживающую бесконечность? к неведомому пределу?..

Белов суетливо, недобирая воды, поддержал темп, но и темпом он не встроился в чувство, а сидел лишним, или пусть дополнительным, в лодке. Зуев разрывал воздух, вода из чужого и самостоятельного вещества превратилась в отражённое продолжение его мышц. Уфимцы, когда на повороте Белов успел глянуть, всё больше откатывались. Зуев грёб как в бесконечность; но предел был, и на неизвестной середине в теле зазвенела и лопнула пружина. Лопнула пружина, сдерживающая настоящую старую силу, стискивающая и неволяющая. Что-то главное и тонкое, любимое им в себе, освободилось, разверзлось в теле. Стремительные треугольники разбегались от байдарки. Зеленоватые взвеси по бортам слились в пёструю падающую полосу. Зуев дышал глубоко и мощно – и не мог издышаться.

5

Они остановились в просторном величественном ельнике. От реки он загустевал вниз по склону и обламывался в болото. Белов дошёл туда, пересекая воображаемые тонкие коричневые линии карты – горизонтالي запахов. В воздухе распространялась сладкая наркотическая болезненность. Близ болота ёлочки образовывали сплошной заслон, за которым торчали во множестве голые, обломленные стволы. У выживших елей только верхушечки были буровато-зелены, остальное медленно окаменевало, и меж ними вились уродцы сосен. Белов постоял, жалея тихий ненужный мир, охранявший реку. Ему было тревожно и хотелось кого-нибудь спасти.

Поднимаясь обратно, слегка затмилось в глазах. Сухой до терпкости воздух косогора был будто разрежен, и душа то куда-то сквозь прорехи непосредственного чувства пропадала, то заново оказывалась, как накалываясь на остриё вздоха. Из этих мгновений, поодиночке не существующих, составлялся пунктир здешнего счастья.

Зуев развёл пламенное буйство, отламывая у геронтических елей отмершие длинные нижние ветви. Ельник был дымчат, как через изумрудное стёклышко. Разлапистые великаны стояли раздвинуто, перемежаясь крепким ельничным подростом и редким инородьем, а травяной ковёр меж ними казался нарочным и выхоженным. Лишь по кромке поляна была оторочена берёзками. Темнело, обнажая во всём пристальную сказочность.

Палатка рыжела, ожидая их, но гонщики лежали у костра, одинаково опёршись на локти, и не хотели оторваться. Дым шёл винтом, будто невидимый шаман метался около, потрескивая и выбирая прильнуть. Далеко вскрикнула выпь.

Зуев чувствовал за спиной холод лежащего без единого человека пространства, – и это было воображаемой правдой на сто или, может быть, двести километров. Взглядывая на горячее лицо Белова, он смутно опасался, что придётся снова разговаривать какие-нибудь прошлые вещи – что такое отечество или другой общий смысл; но ему было дружелюбнее молчать, изредка пуская короткую фразу, обратно перепархивающую костёр и опалено замирающую на губах. Ему казалось, что он стесняет Белова тем, что до сих пор они запросто не разговорились, однако и тот ведь много молчал, и почти без труда. Ему захотелось сказать что-нибудь отстранённо-доброе. Он посмотрел в глаза Белову – они слепо блестели: огонь, отсвечивая, обращал глубину в сплошную темноту дна. Зуев положил голову на руку.

Белов нежился в двойной сладости – накатывающегося сна и сопротивления ему. Внутри дрёмы восторженно дрожало владение ею, а зрение и память обнимало мягкое, влажноватое волокно, пробегая по позвонкам лёгким трепетом истомы. Ему сейчас было необыкновенно легко жить, и в теле переливалась завтрашняя сила.

Зуев клюнул носом в сгиб локтя, и тут же байдарка нырнула в ущелье, где вода вдруг покраснела и растаяла, обнажив жгучие камни, на которые не рухнуть он торопливо открыл глаза. Кровь застучала молоточками; он опять забылся между стылостью и огнём; молоточки дребезжали всё быстрее и звонче. Зуев встряхнулся: в ельнике зазывчиво пело.

– А? – поднял он голову.

Белов тоже очнулся и пошевелил костёр. Искры весело понеслись кверху. Навстречу мерными, лёгкими порциями сыпались певучие брызги.

– Пеночка тенькует, – сказал Белов.

На соседней верхушке подхватила другая птичка – и полился дуэт. Снова ухнула выпь, потом вдруг, будто над самым ухом, перерезал дергач. Пеночки разом осеклись, но осторожно досвистали трель, а из глубины дергачу отозвался скрипучий звук. Белов шорохом усмехнулся:

– Желна балует...

– Кто?

– Чёрный дятел. Под ночь такой концерт устроили. Завтра распойются... Потеплеть должно.

– Хорошо бы, – согласился Зуев, подталкивая уже самые тонкие, мгновенные, веточки к огню.

Этой ночью к берегу поцелуем пристал «Эльф», и Зуев услышал его, сел и уплыл, покачиваясь. Он пересёк реку, но там ничего не было, никакой земли, а за травой продолжалась неизвестная широкая вода. Он поплыл по ней, волшебным образом не задумываясь. В затылок больно светила луна. Родное тело байдарки несло со скоростью, от которой становилось воздушно и страшно. Зуев хотел было сдержаться, но от самого тихого гребка «Эльф» бросался вперёд и поверх сил трения прорезывал ночь. Отвыкший от его юркости Зуев заостенел, боясь остановиться в ритме и сбиться с пунктира свободы. Он не смел оглянуться и с лёгким нависанием чувствовал, как Земля кругла. Одновременно он знал, что никакой смысл ничего не вправе приказывать ему. А вскоре стал слышен звук, ласковый и низкий, и когда Зуев понял, что плывёт к нему, зачем-то самому важному в мире, от мучения, что звук нельзя увидеть, пространство стало таять и таять, превращаясь в неподвижный ум.

Белову снилось другое. Он ворочался и вздыхал. Проснувшись, он по инерции мурлыкнул и опасливо посмотрел, не слышит ли напарник.

Стояло на грани света. Белов загадал время и поднёс часы к глазам. Стрелки слабо зеленели. Он ошибся на три минуты – в свою пользу. Эти три минуты, выигранные выдумкой слова у дыма условности, почему-то обрадовали его, как запас, и он подумал, что должен быть хороший день. Птицы, действительно, разыгрались. Их голоса, вытканые из сновидений, образовывали округ поляны праздничный хор. Белов расплёл симфонию, отыскал в ней дрозда, улыбнулся, и обратным толчком мысль повторила ему приснившееся.

– А вас ждут или так? – захотелось ему поделиться. По дыханию он слышал, что Зуев уже не спит.

– Ждут? – Зуев приподнялся на локте. – Вы про женщину?

– Ага, – беззаботно сказал Белов. Его три минуты растекались по душе.

– Ну, есть у меня... жена не жена... а впрочем, почти что и жена. Только при чём здесь ждать? – я вернусь, и всё. В самом деле, не на Южном полюсе.

– Значит, вы от неё уехали, – протянул Белов.

– Почему?

– Всегда так. Если только есть человек, ты или покидаешь его, или добираешься к нему... А мне этакое приснилось, не рассказать. По сию минуту не пойму, не то мечта, не то воспоминание...

Зуев резко сел, задев верх палатки, и хлопнул комара на щеке.

– Нет, – сказал он отрывисто, – этого нельзя... позволять.

– А именно?

– Ну... чтобы женщина ждала.

– Почему? – удивился Белов.

– Страшно...

– Что не дождётся?..

– Да... Да нет, не в этом дело. Вообще – выбор. Ожидание – уже выбор, уже соблазн. Ведь никогда не знаешь, как тебя дождутся. Нельзя позволять себе зависеть от чужих ошибок...

– Сложно у вас, – Белов произнёс это так, что непонятно было, имеет ли он в виду только Зуева или и ту, которая его не ждёт.

Зуев потёр ладонями лицо. Ему казалось, что, говоря в полузабытии, он лишь сейчас по-настоящему проснулся. И ответил нехотя:

– Просто мысли болезненные. И сны, я знаю... Это кто воркует?

– Про эту не скажу, – охотно свернул Белов. – Ну, а вчерашних гостей слышите?

– Это? – Зуев изобразил присвист.

Белов хмыкнул:

– Похоже. Только это трещотки, торопыжки, а те-то вон, зады подпевают... Разобрали?

Зуев неувверенно кивнул.

– Да вы прислушайтесь! – Белов азартно замер на коленях, подняв руки. – Ну, куликов исключаем, крикливы больно. Теперь здесь. Вот запевала, в три ноты альтует, – зарядочка: оп, отпелась. Цыкает который, это дрозд, кликает – юрок. Свистят – так, синицы, пищухи всякие... Народу, вообще-то, не густо... А вот послушайте, защибетала: завирушка. Фиоритуристая пичуга, только голосок слабоват... да вот он тянется, слышите? Дятел опять закричал, а теперь дробить пошёл. И нам пора.

– А вы в детстве в городе жили? – с сомнением спросил Зуев, выбираясь из палатки.

– Насчёт птиц? Так ведь хоть в деревне, а если учитель не сумасшедший энтузиаст, он скорее всю биологию от ума отобьёт, чем в лес сводит да научит травку от травки отличить. Сами знаете, как нас – среднеобразовывают... А я сам. Обидно ведь – столько плавать, а природы не знать. Гонка-то гонкой, конечно, да у сердца своя пища... И напарник у меня как раз был, дока, любил птиц. Иную мог выдрознить – чуть не в руки слетали.

– А где он сейчас? – спросил Зуев, чуть хрустнув голосом.

– Сейчас он дельтапланерист, – произнёс Белов с задумчивым сарказмом.

Зуев сошёл к звенящему Мелосу. Небо тончало, предчувствуя солнце. У берега была небольшая заводь, и когда Зуев приблизился, из неё серою массой хлынула плотвичка. Он отступил на шаг. Несколько любопытных мордочек просветились в воде, плеснули спинки, и в полминуты заводь снова была полна не одной, наверное, сотнею рыбёшек. Одни, шевеля губами, тыкались в глинистый берег, другие магнетическими параллельными стайками рыскали взад и вперёд, проходя – стая сквозь стаю – со слизистой ловкостью, третьи неподвижно висели над дном. Осторожно, не качнув травинки, не положив тени, Зуев сделал обратный шаг. В тот же миг, как от ужасного врага, вся плотва метнулась вон и оставила человеку чистую воду. Он наклонился и черпнул котелком.

Возле палатки Белов делал зарядку, держа в каждой руке по изрядному камню. В волосах его торчали хвоинки.

– Сублимируете? – сказал Зуев.

Белов засмеялся. Птицы угасли, лишь дятел редко дробил; однако тишина, зевнув, уступила чувству жизни, в котором люди сглатывали паузы внутренним шумом своего существа. Зуев густо разъярил пламя и вскоре опустил в кипяток пару пакетиков, с аппетитом наблюдая быстрый разлив вишнёвости. Они разделили банку каши, и было ещё полмешка тянучего печенья.

Чай разлил тёплую истому. Низколесье противоположного берега уже подёрнулось жёлтой пенкой, – стремительная граница сгоняла утро, прослаивая небо высью.

Белов разложил карту и капнул в неё несколько карандашных штрихов расчёта. Его воображение старалось заранее приручить маршрут дня. Зуев опустил на колени, тоже наклоняясь над картой. Их плечи шуршанием соприкоснулись. Неожиданно Зуева кольнула память – без образа, даже без запаха, одним смыслом стыдливого детства, – и это было почти до слёз, конечно, тогдашних... Ему захотелось ещё раз испытать прикосновением плечо, но он знал, что это ненужный миг. Он плыл не для дружбы и не представлял, о чём мог бы обнять чужую мужскую спину. Тем приятней сейчас на коленях было не отличаться от Белова.

– Синий – это как, – спросил Зуев, – полупроходимый?

На карте река была перечёркнута жёлтыми крестами, обозначавшими важные перекаты, и, поодаль, одним красным: запретный порог; а между жёлтыми лежал синий крест.

– Ну да, – сказал Белов, – если вода стоит, проскочим. Бычий порог.

– И как, по-вашему, стоит вода, хватит?

– Вроде есть, да ведь не угадаешь. Дёминых бы достать – они б показали... Воды-то, может, и поменьше как раз надо, так только, на ниточку чтоб с верхом.

– Зачем?

Белов поглядел ясно, – и Зуев увидел, что глаза у него с начала гонки поглубели, словно напившись речной воды. Они разговаривали помимо времени, в неторопливой безмятежности уплотняя упругую силу пружины.

– Синий крест, такое должно быть место... здесь можно всё проиграть, – Белов выговорил это с удовольствием.

– А выиграть?

– Выиграть? Ну, можно и выиграть... не так чтоб много... да дело и не во времени.

– А?

– В форсе! И фарте!

6

Река ревела, прорезая морену. Она набрала притоков, разогналась и раздышалась, только повела плечами – и вдруг её заломило в тиски. Сперва она пометалась по долине, закладывая ступенчатые виражи, где приходилось то во всю мощь работать поперёк, против прижима, то зачарованно бросаться в самое бешенство вод, одним взрывом скорости надеясь проскочить какую-нибудь местную Сциллу; затем каньон сузился и сжал её чуть наискось меридиана. Теперь, сливая грохоты в вой, река билась о собственное дно, не в воле изгрызть каменные вертикали. Их бритые крутзны отеснили лес, и в ложбинах он появлялся внезапный, как мазок абстракциониста, и не всегда, капризами реки, доступный, чтобы причалить к его корням. **и**

Борьба вступила в новую, страстную фазу. Чайки фуриями носились над волнами, соблазняя глаз, но нельзя было отнять внимание от реки, непрерывно ткущей каверзы и сюрпризы. Длинные прямые, где мысль предвкушала работу, оказывались шиверами, где грести в силу было урывками, а остальное занимала лавировка. От возбуждённого внимания в этом лихорадочном слаломе затекали нервы лица.

На удивление, Завалихин с Купцовым, в первый же день захватившие лидерство, его ни разу не отдали, или, возможно, шедшие с ними в головке не торопились отобрать. По записке, разрыв был около часа, но в километрах – зона порогов могла это растянуть за десяток, а могла и совсем сжать.

Жёлтый крест, стремительный пережат с резким свалом, прошли свободно, и Белов подумал, что Бычий порог после дождя могло и накрыть. Он попытался приблизиться к переднему экипажу, в котором легко было узнать Белоглаза с Лозинским: вся их байдарка пестрела наклейками и разноцветными росписями. Однако раскатить не удавалось: скорость диктовала река, и гонка шла как на резиночке.

Река вильнула, а когда снова открыла перспективу, байдарка была перед самым порогом. Белоглаз и Лозинский были уже за ним, но гораздо ближе прежнего, – наверняка обнесли. Метров сто, не больше, только и сто метров тащить байдарку по косой круче теряло время. Белов вытянулся, опёршись на руки, и пошевелил ноздрями. Решать оставалось секунды.

Бычьим порог назвали когда-то из-за, скорее всего, двух острозубцев, роговоротами торчавших посреди реки, а чуть за ними был скрыт в пене покатымощный лоб-одинец. Белов отчётливо видел, что поверху его не проскочить и надо уходить левее, в слив, однако каменистые подробности отсюда было нельзя разобрать. Там могло оказаться что угодно; но Белов никогда не верил, что вода течёт просто так, сама по себе, без заботы, чтобы человек мог её разгадать. Чувствуя ум реки, ему представлялось, что всегда есть волшебная тропинка, которую нужно только обнаружить, понять в кажущемся хаосе, выпутать из лабиринта, – и тогда любая сложность одолима. Вопрос в том, впишется ли тело байдарки в разгаданные узоры,

а шанс река даёт. Это не обязательно бывало в практике обстоятельств, – и каждый раз Белов, соблазнённый азартом, заново не верил. Как дешифруем текст, так яростные изощрения реки должны скрывать некую возможность...

Зуев оглянулся, Белов быстро показал ему движение. Он с силой двинул ладонью вперёд, потом влево и закрутил вывернутый кулак. Зуев кивнул, не до конца понимая. Да и Белов не объяснил бы, что означает последняя фаза: нечто вопросительно-решительное. Он сглотнул огонёк холода и врезал весло.

На мгновение, набирая ход, чтобы превзойти течение, Зуеву показалось, что сейчас они как раз вонзятся в лежащий посередине прохода камень, и, как постороннее, сквозь неподвижный мозг прошло соображение, нельзя ли, в самом деле, перескочить через него. Но руки почувствовали иное. В двух метрах ото лба Белов резко затабанил левою лопастью, а Зуев сработал три гребка правым, – и байдарка изменила курс. Её бросило бортом на камень, тут же и отжимая от него, и удар пришёлся в водяной жгут. Белов вновь переложился в струю, – траектория этих мгновений напоминала зигзаг молнии. Байдарку накренило, Зуева с головой окатило гребнем, и он завис, медленно удивившись прозрачной близости дна, но Белов дёрнул и выправил корпус. Струя теперь полого возвращала направо – где поджидал частокол маленьких каменных злобцев. Лодка летела туда как по жёлобу. Белов перевёл против свала, пытаясь выбраться на середину. Тяжёлая волна перекатилась через нос, отшвырнув байдарку от мелькнувшей было лазейки. Надо было подрезать выше, сообразил Белов. Была ли тут его ошибка, – но река оставалась мудро права, как божество...

Боковым зрением он отметил, как трудно-далёк берег, если они сейчас напорются на один из повсюду мельтешащих огрудков... это была почти мысль, и он раздавил её кивком ступни, увидев вдруг выющуюся ниточку свободной воды. Байдарка внырнула в проход и понеслась, оставляя за собой змеиный след. Несколько раз вдогонку нестрашно ударило, на что Белов привычно вздрагивал, а Зуев отзывался запоздавшим толчком лопасти.

Они не успели обрадоваться проходу, потому что их теперь несло туда, где извилина, наконец вливаясь в струю, проходила как раз меж двух высоко высунувшихся из воды камней. Словно защищающие друг друга шахматные кони, они ржали и пенились, разделённые не более чем длиной байдарки. Обогнуть издали мешал передний, а попытка повернуться меж них просто бросила бы на задний. Зуев занёс весло, как для рывка. В Белове сжалось. Лодка налетала на дальний таш. Но тут же Зуев понял, и они разом осадили. Теперь в молочном месиве, которое взбивали изо всех сил отгребавшие гонщики, байдарка дрожала, медленно всё же приближаясь к камню. В его форме было что-то трамплинье, готовое поддеть и бросить. Оставалось чуть-чуть. Работающие наоборот мышцы были вяло-ёмки. Зуев не ощущал в них боли предела и не мог по-настоящему раскрутить. Но в этом наползающем дрожании байдарка постепенно меняла угол. И за миг до того, как их совсем развернуло бы боком и опрокинуло, Зуев взорвался, словно разжилив трицепсы, – лодка почти прыгнула, коснулась бортом камня и, горизонтальным контрапунктом отражённой струи, нежно обогнула его.

Белов перебрал педалями и выдохнул:

– Смодулировали!

Байдарка весело скользила среди последствий, раздвинутых и наивных. Зуев положил весло и пальцами пробежался по себе массажем. Он уже не знал, было ли ему только что страшно, или это происходил один восторг, теперь оставшийся вместо слов в желудке. Белов тоже не комментировал, и Зуев почувствовал в его молчании какое-то новое уважение. Секундно вспыхнула гордость, да только впереди, на деке у соперников, извивался большой красный язык. Белоглаз с Лозинским, всю эту стремительную эпопею наблюдая, текли полубоком, и только теперь встрепенулись.

Это была странная, диссонансная пара, оттого, наверное, постоянно впадавшая в какое-нибудь настроение. Молодой растатуированный в лад байдарке полуголый Белоглаз – и седо-

ватый, смирно-внимательный Лозинский, даже в самую жару снимавший майку лишь испугаться. Силы в нём никакой не было видно – одна жилистость и очки, несмотря на которые он сидел рулевым. Когда байдарки поравнялись, он посмотрел на Белова и тихо произнёс:

– А мы испугались...

Зуев заметил, как Белоглаз прикусил губу.

– Ну и правильно, – утешил Белов, – костей могли не собрать. Сам каюсь, что рано рисковать начал, да спасибо, повезло.

Он говорил словно чужим голосом самому себе.

– Другому причеши, Стасик, – вздохнул Лозинский.

– А вы что по тени ходите? – спросил Зуев Белоглаза, чтобы тоже сказать. – Мы за вами шли, вы всё к права жмётесь...

Белоглаз косо дёрнул веслом – и фонтанчик оплескал Зуева. Белов слегка развёл лодки. Зуев покосился: по скулам Белоглаза гульнули желваки, и он безразлично ответил, глядя далеко перед собой:

– Как лучше, так и идём. А на реке много места.

Лозинский поправил очки, осмотрел реку и оставил курс под берегом. Никакой особенной пользы тут не было.

– Ну, ладно, а мы на солнышко, – громко сказал Белов. – Повеселее всё-таки.

Зуев подумал, что с такими желваками их не отпустят, но ошибся. Белоглаз с Лозинским отошли от борьбы, и связки не получилось. Отрыва, правда, тоже не вышло, потому что вскоре возник новый порог, и некогда было ни оглядываться, ни ускоряться.

Порог миновали легко, а за ним байдарку вынесло на длинную густую шиверу. Стремнина здесь разбила тональность и хлынула вся и всюду, как хроматический реквием. Поперёк и наискось, сталкиваясь и исчезая, – шивера кипела, не позволяя рассчитать этот каменный слалом. Белов влетел и повёл; он называл это, рассуждая для кого-нибудь, опытом интуиции, – в действительном же чувстве было то, что, не зная иногда за пять метров своего следующего хода, он мысленно пропадал – и возникал уже там, дальше, проскочив разрыв каким-то автоматическим вольтом. Это было исполнением скрытой воли реки, вшлётанным ею в онемевшую беспомощность мышц. Такое свойство наития – квантоваться, то есть всё время кончаться – возбуждало в Белове потребность возобновления, риском или вообще, словно он был одновременно фокусником, разыгрывающим тонкий, неосязаемый трюк, и зрителем, жадно просящим повторения и всё же никак не успевающим разоблачить волшебный секрет.

Зуев поначалу уже привычно подрабатывал втихую, ожидая команды или сам резкими выкриками предупреждая о ловушках и брешах. Иногда слово не поспевало за зрением, и он коротко выкидывал вбок руку, отпуская весло, которое затем нагонял и ловил в воздухе, рождая лёгкую синкопу, и, с задержкой подхватывая беловский выбор, дорабатывал ход. Но потом, когда им пришлось мощно перерезать стремнину, убегая от неожиданно вспучившейся отмели, то, под берегом зайдя в фигуры, Зуев не отпустил хода и повёл слитно с Беловым в новом проснувшемся чувстве. Словно вспарило заглубившую кожу, и, счистив ошмётки, тело задышало по-настоящему. Суতোлка соображений в нём исчезла, и он стал понимать, сразу руками, понимать, как идёт Белов, как он то борется с рекой, то взнуздывает её, то вольно отдаётся ей. И теперь, шивера уже заканчивалась, Зуев грёб одно и то же со своим рулевым, почти каждый изворот, каждое движение Белова исполняя как предугадывая. Он весь будто поместился в чужую душу, совпал и проник в подчинении этому завораживающему единству. Каждый гребок сделался точен, они видели одинаково.

В захвате ощущения Зуев внезапно пожалел Белова с тут же теплом к нему, что его умелость оказалась так доступна. Он подумал, что теперь им обоим будет легче. Белов через удовольствие возникшей слитности почувствовал проскольз ревности. Ему всегда мечталось, что

суть реки открыта ему одному; и как другой вот так, на глазах, её постигает – расслаивало радость скорости.

Тем временем река внесла в мутные глубины. Жалея терять общность вдения, гребцы переложили её в силу хода. Они ничего не сказали друг другу, словно боясь, что тогда обречённое исчезнет... **и**

Сзади всё-таки отстали, однако и впереди никто не показывался, и преследование становилось абстракцией. Над удаляющимся лесом тонкими тарелочками висели фаянсовые облака. Они взяли струю и пошли в её податливом лоне. В реке была не неподвижная пройденность, не здешняя страстность, а томящая воображение утечность; от бесконечной ненастижимости река казалась чужой женой, с которой заговариваешь и заговариваешь...

Что-то зачернело под левым берегом. Кто-то ритмично и странно наклонялся. Они приблизились: это оказался ряд гнило-чёрных брёвен, вразнобой торчащих из воды. Стёкши меж холмами, речушка в пару саженей шириной уютно жужжала, обпенивая столбцы. Косая палка, прибитая где-то под водой, качалась, вверх-вниз исполняя тёмный жест.

– Мосток, что ли, был? – спросил Зуев.

– Зачем, плотина.

– Здесь?!

Кругом не было видно никаких следов смысла. Холм был вывит серпантинами иван-чая, в котором светились малиновые пыреи. Крапива, подступив к берегу, была выше роста. Другой холм, лесистый, байдарка как раз огибала.

– Чего только не встретишь в пути. Стоит какой-нибудь ржавый агрегат в десять тонн железа, а к нему ни тропинки...

Останки плотины скрылись из виду, и только слабеющее жужжание ещё висело в воздухе. Бор на левом берегу рассыпался берёзовой рощицей, лощина перехлестнула холм, а из-за склона вдруг группой вынырнули кирпичные торчки.

– Ну, вот, – сказал Белов.

Зуев чему-то обрадовался – но на секунду. Следом открылась вся панорама. Вдоль реки в вольных травах разбрелось стадо печей. Они были различных оттенков бурой масти, некоторые в пятнах побелки, другие ярко-рыжие, большей частью треснувшие, надломленные, хотя кое-где приветливо зиял под, и попадались богатые двухтопочные печи с длинными лежаками. Но в основном – обычное худородье, со смиренным осыпанием своей посмертной жизни. Они стояли, как толпа сирот. Их было много – сорок или пятьдесят. Один край был весь чёрно-сажен, и поволока давнего пожара сообщала их сиротству тихую утешительность; однако у остальных обиход жилья отпал сам собою: дерево разобрали, железо увезли, а мусор зарос и зажил временем. Кирпич почему-то не понадобился. Печи одичали и тоскливо тянули выи к небу, но не могли изгнать из себя ни для какого дела не нужную душу. Вокруг них не было ничего деревянного, ни плетня: можно было подумать, что их разрушает голод. Едва заметно тянулись каёмки фундаментов, обросшие малиной и шиповником.

– А название-то какое было – Голубой Яр, – прервал молчание Белов.

Зуев оглянулся на антимираж.

– Почему голубой? От голубики?

– Да вон, наверное, – махнул Белов к другому берегу. Тот вздыбился многоплечим витязем, от старости обомшелым. Мхи тонкой аквамариновой корочкой покрывали камни, шёрсткой опушивали земляные скаты, плесенью лезли по голеням угрюмых сосен – и придавали всему берегу светло-синий тон. Под солнцем, которое сейчас с острого угла освещало яр, мхи переигрывались лазурными сквозениями, переливались, отслаивая свет от низкопородной действительности.

– Правда, хорошо названо! – выдохнул Зуев. – Как жалко, жили же люди...

– Ничего, пусть природа очистится, – сказал Белов. – После лучше будет. Находился я по грязным рекам – воды не зачерпнёшь. Сколько лишней пагубы на нашей земле. Пусть!..

7

К вечеру они обошли ещё один экипаж и остановились на красном кресте. Белов рассчитал всё с точностью, которой теперь сам удивлённо радовался. Другим нужно было тратить дневное время на обнос, а они сделали это в сумерках, не торопясь, пока закипало в котелке. Спускать лодку пришлось по крутой осыпающейся даже не тропинке, а сланцевой пролежни в траве. Потом они поднялись к костру.

Стоянка располагалась на обрыве, под сенью пихт, плотным шатром переплётших ветви. Невидимая сквозь них, внизу луна осколками прыгала по каменным ступеням. Когда больше потемнело, она стала казаться, прищуривая глаз и слух, пляшущим языком чудовища, заключённого в бездне и воющего одним вечным дыханием. Этот рёв был так силен, что спалось беспокойно, и река мчалась прямо сквозь сердце. Эффект дополнял шихан, возвышавшийся на самой кромке берега над лесом, а вниз надломленный, будто драконий хребет. Поутру Зуев взобрался на его верхушку. Отсюда порог казался игрушечным, скорость реки чувствовалась только цветом. Зуев поводил на ниточке воображения кораблик каменными коридорами, втиснул в какую-то щель и побежал взглядом вниз по течению. За поворотом слабый штрих разъёма свидетельствовал дальнейший путь, и Зуев быстро помечтал о нём. Умозрение дали не утомляло чувств; но когда он опрокидывал реку назад, – там лежала долгая история, затуманенное время, череда выющихся ощущений, сотни километров, по которым просто проделывая мысленное путешествие, становилось – сейчас, посредине пути, замерев в центре нефритовой полусферы, – тоскливо и безвольно, и память проглатывала целые куски.

Впереди материализовался курчавый дымок. Зуев шатко определил до него километра три прямого воздуха. Для симметрии он посмотрел вверх течения: там река уже заголубела, и из-за поворота показалась разноцветная байдарка. Гребцы двигали вёслами медленно и аккуратно, держась середины реки.

Зуев сбежал с гребня, хватаясь за стволы. Сучок больно оцарапал ладонь, и он прилизал шрамик. Горьковатые крошки коры таяли на языке. Он пошёл тише, наслаждаясь идти среди стремнины секунд, которыми мысль расчисляла пространство. Строгая кристальность пронизывала утро.

– Что видно? – спросил Белов по шороху шагов. Он сворачивал палатку.

Зуев помог, затянул чехол, выпрямился и доложил.

– Да? – Белов шевельнул бровью. – Рискует ребята, по такому свету выходить. Ну, помочь надо.

Зуев понял только тогда, когда, привязав уже нагруженную байдарку в уютной гавани, по которой сонными кругами двигалась жёлтая пена с порога, влажной перхотью облепляя тягучие травы, они снова берегом принялись обходить порог. Вчерашняя двойка как раз причаливала.

– С добрым утречком вас! – закричал Лозинский.

Белоглаз выпрыгнул первым, протянул руку Зуеву и подмигнул.

– Значит, выскользнули, – риторически сказал Белов. – Ну, взялись!

Вчетвером они взмахнули байдарку со всем скарбом и порысили кручей.

– Заварушка! – рассказывал Лозинский, сбито дыша. – После вас как пошло-поехало: то нас обгоняют, то мы, целый день салочки. Раз семь, наверное.

– Восемь, – уточнил Белоглаз.

– Ну, вот. А к вечеру река вроде на утишь пошла, мы и решились спозаранку...

Капли с чужого днища вкатывались Зуеву за ворот ветровки и раздражали, что ему этого не нужно. Впрочем, на самом деле, он знал, что его раздражает мысль о Белове. Если в этой малонужной помощи не заключалось никакой выгоды, то что же – рассчитанное благородство? Или случайный порыв, в котором пугала именно эта спонтанность?..

Вскоре обе байдарки уже выходили из заводи.

– Спасибочки вам, – сказал Лозинский.

– Сочтёмся, – хмыкнул Белов. – Вы хоть завтракали?

– Так, наскоро, – отозвался Белоглаз. – У вас что с продуктами? – а то можем поделиться.

– Да вроде хватает... Не будет хватать, приторопимся, – Белову было легко, потому что когда происходило правильно, это было просто так, без дополнительного напряжения причин. Он знал, что всё равно нужно будет уйти от Лозинского, но, перечисляя себе, кто остался впереди, затаённо хотелось повременить.

Река вильнула к востоку, и сверкнул новый порог. Край солнца, дрожа над долиной, разлил в воде обманчивые перламутры. Чуть прикрытые окатом воды венчики камней вырастали внезапно из расступающихся бликов, бурлящий по-меж плит поток из лакового удаления вдруг оказывался грозно здесь.

– Осторожно, – попросил Белов, шурясь в ряби.

Зуев надвинул на глаза кепку. Он шёл на порог с жадным желанием увериться во вчерашней слитности. Белов придержал скорость, но потом увидел, что Зуев успевает замечать каверзы бликующей реки, и добавил. Лозинский помедлил и вошёл следом.

Струя бросила на середине порога к правому берегу и тут же – резко обратно. Белов и Зуев удержались на малом радиусе, с запасом прошли по кромке корыта, а затем, обработав угол, в котором теснились и раскалывались волны, выскочили на гладь. Выворачивая, когда он на мгновение оказался ниже вскипевших по обоим бортам валов, летучей задержкой дыхания Зуев настиг острейшее ощущения. Он осадил и оглянулся. Белоглаз с Лозинским проходили то же место. Они сделали это мягче, с какою-то равнодушной скользью. Их синхронность не была аффектированной, но простой и привычной.

За порогом река вернулась к меридиану, слегка покачивая влево-вправо. Байдарки бежали дружно и близко друг к другу. Борьбы ещё не было, вернее, она замерла внутри, а оба экипажа просто держали взятый темп.

Белоглаз первым увидел записку, вырвался вперёд, Лозинский сделал послушную дугу к берегу, и через полминуты лодки снова катились вровень.

– Кравченко, плюс сорок, – объявил Белоглаз азартом броситься в погоню.

Он был сегодня, действительно, каким-то другим – уверенным и так же возбуждённым, как накануне подавленным. И Лозинский смотрелся сильнее. Зуев подумал одним лениво продрожавшим образом, что это от них, от утренней встречи у тех взыграло настроение.

– Наставили, значит, Купчика, – тревожно сказал Белов.

Лозинский вытер с очков капли, сложил фиолетовый платок в карман и ответил:

– Шибко уж они урвали. Должен быть стоп, нельзя так всё время идти...

– Ну, с ритмией у вас всё в порядке!

Лозинский пожал плечами и улыбнулся. Это было устало или лукаво, Белов не мог бы определить. Они продолжали переговариваться. Река держала около полусотни метров ширины, течение её замедлилось в мягко-зольной ложине меж кряжами, и ничто не мешало байдаркам идти рядом.

На короткой шивере связка распалась, а когда они вновь сблизились, Белов почувствовал, как надавливает Зуев. Он встроился в темп и потихоньку ослабил, показывая, что не надо начинать день с перебора. Но Зуев упрямо гнул своё, разрывая четвёрку на две двойки, которые по-прежнему неслись рядом, но уже не вместе, уже – резким непритворным спором.

Оторваться, однако, было негде: Белоглаз всё лихо перехватывал, а то и сам угрожал. Лозинский внимательно посверкивал очками.

Впрочем, Зуев не думал об отрыве. Его несло так и не угасшее утреннее раздражение, переходившее теперь из повода в повод. Ему хотелось вырвать Белова из этого неразборчивого диалога рулевых, вскрутить гонку, остаться опять вдвоём.

Так длилось с час, затем гонщики увидели впереди новую байдарку и совместной скоростью быстро её настигли. Это были долгожданные Купцов с Завалихиным. Они, и сами прекрасно зная, что всей регаты с такой ровной мощью не пройти, до порогов выложились в задел, надеясь, несколько отдохнув, выпустить вперёд Дёминых и вслед за ними, не кипятясь, одолеть зону, чтобы уж на финише всё решать очно. Но Дёмины, видимо, ускользнули или привели с собой Кравченко, а связки из трёх байдарок были недолговечны. Теперь они отчаянно пытались достать Дёминых, ещё в виду; но сочетание скоростных участков с техническими издёргивало силы, – и в том, какое невзрачное они работали, чувствовался выпущенный воздух. Было странно, что они столько просолировали. *рубато*

Лозинский подвёл и заговорил с Завалихиным, но Белов остался за спинами. Всматриваясь в далёкую прорезь меж берегами, он пытался различить, двойной или двупарный проблеск вспыхивает там. От близости к лидерам он испытывал тугую уверенность, подобную пению басовой струны. Нужно было решить точный план.

Река, торопя подсказку, изогнула длинный перекат. Между передними байдарками был небольшой просвет, – и Белов обозначил туда атаку. Купцов закрылся, и Лозинский тоже прирезал угол, при этом они слегка помешали друг другу. Тотчас Белов переложился и ушёл резко в сторону, по дуге заводя в узкую струю, прорезающую перекат. Зуев взвинтил, а соперники, слишком плотные меж собой, замешкались. Пока он боролись за позицию, Белов оказался первым, протиснувшись перед самым носом купцовской двойки, которую с другого бока тут же накрыл Лозинский. Купцов уступил, но в самом перекате шёл почти в касание. На изливке сражающиеся экипажи отставали метров на двадцать.

– Разделяй и властвуй, – оценил Зуев. – Но ведь они сейчас объединятся против нас?

– Это мы ещё будем посмотреть, – оглянулся Белов.

На плёсе, давшемся после быстрины довольно тяжело, их не догнали, а потом река начала подсовывать шиверочки и перекаты. Они были несложные, но в одиночку проход получался экономнее, и преимущество кусочками прибывало. Сзади, похоже, так и рубились между собой, и Белов перестал оборачиваться, спиной чувствуя дистанцию.

– Дёминых бы разом достать, – хрипло попросил он, когда близнецы очередной раз показались в глубине перспективы, подрожали виноградинкой и завалились за поворот.

– Ну, так и достанем, куда они денутся, – пообещал Зуев.

Радуюсь, он раззудил было в полную силу, но вскоре почувствовал, что перегребаёт Белова. Тот, хорошо держа отрезками, особенно при обгоне, в сплошной работе всё-таки уступал. В буквальном ощущении было – что часть усилия, вместо гнать лодку вперёд, отваливается на корму, загружая Белова, вынужденного частить и пробиваться. В такие минуты Зуев слегка терялся от бесполезного запаса. Он чуть сбавил. Всё равно, на прямых они превосходили Дёминых; но после каждой завязки разница возвращалась.

В какой-то момент между байдарками осталось метров сто извилистого переката. Братья просквозили его, а Белов взял паузу на входе и потом, разбираясь в ветвлениях, из мозаики виртуозных кусочков скорости не сложил. Дёмины опять отделились. Они шли очень скупой и точно, почти без брызг. Тёмноволосые, ладные и неразличимые, – в них мнилось что-то китайское. Раз за разом они легко уходили на перекатах, беззаботно подпуская гладью. Но то была назад обращённая беззаботность. Вперёд – Белов угадывал, словно видел в их чёрных, как замочная скважина, глазах – устремлялась лихая хищность.

8

Погоня продолжалась сутки. Ночь исполнилась автоматически, не извлекая души из трепета. Двигалось всякую секунду, обрезая омертвевшую ткань посторонних мыслей. В ноздрях стоял щекотливо-алчный аромат воды, от которого некуда было деться, а только – спешить за ним. Близость соперников не позволяла расслабления, протянутая по строжени голым нервом. В то же время вещественная действительность, вплоть до собственных рук, казалась отдалена и только снилась. Диалоги были пересыпаны колкою злостью.

Мало, что Дёмины постоянно убегали, ещё и сзади никак не хотели отставать. Заканчивая длинную прямую, которою река текла по дну сужающегося каньона, Белов встал и, приложив ладонь козырьком, с удивлением увидел, что за ним далёкой россыпью следуют сразу три лодки. А у него заново заболели плечи, боль ещё не выиграла, но тяжело накапливалась, и всё чаще приходилось пропускать такт, откидывая локти за спину.

Зуев работал машиной, и по спине нельзя было понять, насколько он устал, только рыжая майка раскраснелась потом.

Так могло бы длиться долго: погоня вроде бы уже застыла злокачественной стабильностью; но Дёмины, в свою очередь, нагнали первый экипаж. И всё затормозилось.

Пройдя цепочкою перекатов, гонщики вылетели на долговодье. Завидев так близко обоих лидеров, Зуев взбурлил, но Белов вдруг вовсе перестал грести. Этот-то кусок и так был в кармане. Суть заключалась в другом.

Зуев наклонился и по локоть сунул обе руки в воду. Потом с шумом, внушая маске кожи облегчение, умылся.

Река гудела, предчувствуя страдание. Шов каньона почти сросся. Стеною надвигался порог, поверху которого в пенке облачков скользил свинцово-серебряный замок. Под ним, в спрятанной от глаз глубине, надрывно выло.

Дёмины медленно двигались под левым берегом. Микипорис с Кравченко, наоборот, заходили вправо в какие-то сомнительные эволюции. Они поменялись местами, и теперь из-за спины двухметрового Кравченко широкоплечий, но приземистый Микипорис с будто негнущейся шеей на каждый гребок выкачивал туловище, – и лодка чуть рыскала. Впрочем, они тоже утишали.

В этом месте река в короткой бушующей горловине сужалась вдесятеро и пятиметровым потоком огибала отвесный скальный массив левого берега. Справа берег был положе и весь рассыпан валунами самых удивительных подобий и изрезков. Иные были обточены докругла, будто гигантские мячи, другие, извиваясь дельфинами, тянули туповатые губы к недостижимо-близкой воде, а истуканы, монолиты которых достигали многоэтажных сравнений, со скоростью фантазии оборотнями чередовали обличья, устраивая боковому вниманию летящих мимо гребцов вычурно-мёртвый спектакль.

Выходной коридор, чем ближе, казался геометрически правильным и вовсе не страшным. Синий крест, стоящий на карте, в принципе, требовал просмотра, но, по длине порога, это могло бы отнять и полчаса. С другой стороны, достаточно вынырнуть какому-нибудь зубцу – и это был бы уже чёрный крест.

Белов, отдыхая, ощущал, что руки его не расслаблены, а покрыты мелкой отвратительной дрожью. Это была реакция усталости, опустошающая внутреннее спокойствие, но не с примесью ли страха... Он глубоко подышал, стараясь сбросить дрожь, и решил, что ни за что не пойдёт в порог первым. Что-то там таилось, что знали братья, – иначе о чём же была эта игра?

Передние почти остановились. Судя по раскладу, эти две лодки всю гонку держались где-то рядом, и между ними сложилось что-то витиеватое и прочное. Задний из Дёминых мельком глянул назад, кивнул привет и осторожно двинул веслом. Микипорис сбоку подбирался к гор-

ловине порога. Белов шуршащей лентой предположения развалил плотно смотанные минувшие дни. Возможно, на такой переменчивой, разнobleщущей дистанции оба экипажа, вместо работы в отрыв, предпочитали сдерживать и осаживать друг друга, подстерегая единственный момент, но самый верный.

Дёмин снова обернулся, на этот раз сквозь Белова, и тот тоже. В глубине пройденного, простиравшегося прямо к солнцу, уже блеснул бронзовый торс Белоглаза. Выждать дальше было нельзя, – и Дёмины с одновременностью тела и тени вдруг вскипели в карьер. Но Микипорис ждал этого, он рявкнул, – и в два толчка байдарки оказались рядом, причём под углом друг к другу.

Сперва Зуеву показалось, что Микипорис просто перестарался, но в другую секунду он понял, что тот перекрывает. Дёмины, продолжая разгон, ушли влево, под скалу. Всё происходило в кипящей, расшвыривающей вектора сил, трапеции. Байдарка Микипориса оказалась впереди и почти поперёк. Вот-вот её могло бросить в камни, но рулевой выжидал, совсем запирая проход близнецам. Повисла мучительная пауза. Потом Кравченко погрузил правую лопасть и могуче затабанил. Микипорис крикнул ему что-то яростное, рот злобно перекосясь. Лодки коснулись бортами, но уже обе в струе. Дёмины выпустили соперников, сами отталкиваясь от чуть оцарапавшего их берега. Кравченко с Микипорисом вдребезги набирали ход.

– Ни ого себе! – крикнул Зуев через плечо. – Как там насчёт кой-чего?..

Белов что-то проворчал. Он внимательно следил и следовал за Дёмиными метрах в двадцати.

Байдарки глиссандо неслись по коридору. Вся задача была обуздать выносящую с виража силу. Левая ступня Белова лежала на педали трепетно, как пальцы пианиста. Байдарка влизывалась в нависшую стену, вспенивая по борту гребешок отвальной волны.

В одном месте в стене был ручейный раскол. В раздвое сейчас высохшей струи, вжилившись корнями в треснувшие камни, навзничь росла седеющая сосна. Зуев наклонился под неё, его колко хлестнуло по щекам, он выпрямился, – и в тот же миг лидеры впереди судорожно ушли вправо, вразнобой зачастили и едва не влетели в откос, но Кравченко вонзил весло и титанически-неуловимым усилием вернул в струю.

Белов покачал головой. Там виднелся лёгкий сливочный бурун. Дёмины, едва вынырнув из-под сосны, спрямили дугу и миновали узкое место. Белов повторил траекторию. Под бурном оказался крокодилоподобный зубчатый одинец, вплотную прилегающий к скале. Понять, что он оставляет лодке лишь небольшой промежуток справа, можно было лишь вблизи. Это и был сюрприз синего креста. Белов вновь качнул головой, думая, какого чёрта Микипорис, вместо чтоб отсидеться за Дёмиными, так нагло рисковал, и что между лидерами в эти дни могло произойти. Так или иначе, ему-то эта неприятная усобица сыграла на руку: крокодил мог запросто пропороть байдарку.

Их занесло в болтанку, потом река успокоилась, и на выкате из длинной прямой сзади уже никого не было. Зачастили плёсы. Между ними течение держалось неплохо, но уже без сильных акцентов. Быстрины ветвились и требовали скрупулёзности. Стало совсем жарко, как в начале пути, или это время повторяло само себя. Вычтенная из зелени раки в синеве заводей, проступала между небом и землёй молочная желтизна...

Дёмины с антагонистами держались вровень, но врозь, по разным берегам. Белов догнал Микипориса и строго сказал ему:

– Дуришь, Сашок! Не шутки шутим.

Микипорис метнул на него острый взгляд и ничего не ответил.

– Я и говорю же, добрый день, уж и сам говорю... – протянул Кравченко, пожимая плечами и бровями. Он положил весло и поочерёдно смотрел на Зуева и Белова. – Купчика дёрнули, убежать бы как раз, так нет. Давай, мол, с Дёмиными разберёмся... А чего...

– А того, что пахать надо, чем говорить, – сквозь зубы просвистел Микипорис. В нём что-то бешено ворочалось.

– Так вот, – наобум обрадовался Кравченко.

– И не так воткать, а на пороге надо было! Сам не можешь думать – сиди и жди!

– Сашок, вы сейчас два раза чуть не урылись, – попытался смягчить Белов. – Если б Валька не выдернул... Не пацан ведь, всё взбрыкивать.

– Ну, чуть не считается, – сказал Кравченко, доверчиво улыбаясь собственным словам. – Чуть по-зырянски это вроде целый чекмос выходит.

– Хорош базар! – прикрикнул Микипорис, заметно сдерживаясь что-то вспылить и Белову.

– Ну, чекмосьте, только без буйства, – Белов развёл байдарки и вполголоса сказал Зуеву: – вот Валька человек. Болен патологической необидчивостью.

– За что и страдает...

– За то. Ему бы злости – цены бы не было. А то этакая сажень, а в самой заварушке вечно с ним что-нибудь. Так что Сашка, может, и правильно его заводит, да себя б не спалил...

– Да, нравы-то гладкостью не отличаются...

– Люди... – неохотно выговорил Белов.

Зуев вблизи наблюдал работу этой пары. Выглядела она грубовато, но изумительно мощно. По разнице в руках и темпераменте, Микипорису, сидя сзади, неловко было вкладываться в длинные, проглублённые гребки Кравченко, отчего ощущался шероховатый люфт, и порой он просто передёргивал. Однако, когда плечевой маховик раскручивался, а тут-то в силе Микипорис напарнику не уступал, и байдарка начинала нервно выпрыгивать из воды, – погрешности сливались, и подавляюще казалось, что какой-то четырёхластый дьявол протаранивает реку. Правда, они часто разваливались в ритме – и всё же усреднённой мощностью хода, пожалуй, единственные в гонке, превосходили Зуева, который с далёким паническим предчувствием воображал, как с ними будет справляться на чистой воде. Видимо, шансы были, если Микипорис нервничал и плёл что-то странное. Зуеву, захотелось сейчас же, без отлагательств, схватиться с ними. Он потихоньку начал добавлять. Доказать себе свою силу – уже означало нащупать у соперников слабинку. *брэвируя*

Но те вскоре встали на обед, а минут через десять, заметив приятный мысок, и Дёмины.

– А мы? – спросил Зуев. – Что-то подсасывает...

– Деревенька тут на карте имеется, – ответил Белов. – Опять же, как в песне: Яблонева. Думаю заглянуть, только жива ли...

Яблонева была жива, хотя с реки в ней никакого движения не замечалось, а из дюжины набережных изб только в двух блестели окна.

Тропинкой среди лопухов Зуев выкарабкался наверх, где пылью извивалась улица. Где-то промышало. У взвившегося из черёмух колодезного журавля копошилось куриное семейство. Среди давно заброшенных дворов попадались крепкие дома с высокими заборами, только людей никого не было. Зуев походил, заглядывая в окна. Посреди улицы стояла ни к чему не относящаяся скамейка, приглашая к мечте или страданию. Тут его облаяла собака. На лай появилась румяная старушка в бойком голубом платке.

– Здравствуйте! – фальшиво обрадовался Зуев. – У вас не найдётся ли продуктов чего купить?

Она внимательно посмотрела на него – то ли сурово, то ли радушно – и спросила:

– Вы без дитёй?

– Нет, – удивился Зуев такому слову. – Мы... у нас, – попробовал он объяснить себя, – у нас соревнование...

– Ну, так нету же у меня ничего, – всплеснула руками старушка, потом, сложив их на животе, добавила: – огурцы одни, да с им много ли наешь... Или разве сметанки возьмёте? *я*

– Конечно, конечно, – сказал Зуев.

Она ввела его во двор. Там, на приступке, девочка с руками тоньше весла, старательно шевеля губами, читала книгу без обложки. Зуев поздоровался, девочка грустно задержала на нём оливковые глаза. Пустолайка подкатилась к ней, и девочка, обняв её за шею, другой рукой, придерживая локтем книгу, стала гладить собаку, как любимейшее существо жизни.

Вернулась хозяйка с банкою сметаны и горкою крупнокалиберных огурцов.

– Три-от двора скотину ещё держат, – гордо сказала она. – Ну, кто ещё козочек да овечек; а маслица с парным-от молочком и всякому охота, только силы нынче нету, ох, нет у людей силы, немоготу... А втроём всех ли напоишь-накормишь, у нас тоже семья. Хотя, почитай, четвертинка от деревни и осталась...

Он робко перебил её:

– А хлеба, случайно, у вас нет?

– А хлеб-от вчор печём. Как печь топить – так и хлеб печь, а вчерась не пекли: жар в доме...

Зуев спросил, сколько всё стоит. Хозяйка назвала ему цену, от которой среди долгого гололюдного пути, среди дебрей, среди жестоких ласк замкнувшегося мира – в губах сделалось смешно. Он протянул деньги. Она захлопотала о сдаче.

– Не надо, не надо, – попросил он, – возьмите.

– Что ты, разве можно! – она испуганно посмотрела на него.

Томясь, Зуев дожидался, когда ему наберут серебра, которого, правда, все равно не хватило, и старушка опять побежала в дом и принесла оттуда три яичка.

– Варёные, – умильно сказала она.

На обратном пути Зуев увидел, наконец, и яблоню. Анисовка нависала над забором. Он бросил в рюкзак десяток яблок, выложил серебро на верхнюю перекладину забора и, держа рюкзак на отлёте, потрусил к берегу.

Белов поджидал его в полукилометре от деревни, где о близости жилья свидетельствовали лишь разбегающиеся тропинки. Котелок закипал.

– Пируем! – Зуев развязал рюкзак.

– Ого! Мы тогда сейчас кофеёчку покруче заварим – и бутерброды со сметаной, хлеб так и так доедать надо, оно посытней супу выйдет. А суп на вечер. Вы не против?

– Согласен, – сказал Зуев сквозь недозревшее, но всё равно милое свое терпкостью яблоко.

Радостно пахло горячей хвоей. В прозрачном пламени истаивала река.

– Разве же это сметана! – говорил Белов, намазывая её вдвое хлеба. – Это же птичье молоко!.. сливочный крем... концентрированный. Давно, наверно, не пробовали такой сметанки?

– Никогда не пробовал, – признался Зуев.

Белов улыбкой не поверил, обжёгся кофе и отставил кружку.

– Ну, как там? – спросил он после паузы, кивнув в сторону деревни.

Зуев пожал плечами. Деревня дрожала в дымке, превращалась в миф, и женский голос в ушах был навсегда оторван от слов, певучего порядка которых уже нельзя было передать.

– Сонно, – придумал он всё-таки сказать и виновато посмотрел на Белова, который, должно быть, ожидал сведений подробных и занимательных.

Белов поднялся и, потянувшись, крикнул. Оставалось ещё десять минут. Невзначай они вышли в лидеры, удачно миновали зону порогов и разговаривали на вы, – и это ему нежно нравилось.

9

После обеда около часа шли неторопливой цепочкой, затем все три лодки соединились. Погода располагала к лени, река текла ровно и спокойно, медленно расширяя берега; и, склоняясь над своим отражением, Зуев мечтался те голубые утра, когда он оказывался один посреди обруча озера, вдали всякого звука, и, замерев, долго скользил по инерции, срезая кромкою лопасти с воды волокнистый флёр, а потом «Эльф» складывал струистые усики и совсем оставался, застывал на безупречной глади, сквозь дымок волшебной шлифовки над которой береговые выстройки и даже движущиеся явления казались выкройками из мультфильмов, а бархатисто-зелёный лес, с юго-запада крылом обнимавший озеро, был исполнен чужой и чарующей жизни. Затем, разрушая эту гладь, с кроважидным сожалением о фужере, вязкий полёт которого на мраморную мозаику следит медленный призматический взгляд, весло, в первое мгновение соединяясь с подводным близнецом, удваивалось длиной, и падением в расколотую бездну тяжесть, которой не вытащить, прилиwała к плечу, а вокруг сияла голубизна и не было никого...

Но рядом плотно катились соперники. Белов начал чуть-чуть подёргивать. Он не собирался испытывать силу Кравченко, а хотел прояснить намерения. Идти первым – как-то обезоруживало, лишало плана. Он ждал теперь игры против себя, а чтобы её выявить, в жанре лёгкой провокации то ускорялся, то, скидывая, вольтировал и менял струю. В какой-то момент, когда соперники опять увлеклись друг другом, Белов по медленной воде выдвинулся вперёд и начал раскатывать, ожидая реакции. Однако, как утром Дёмины, так и другой экипаж довольно безразлично отнёсся к его перемещениям.

Потихоньку уходя, Белов, чтобы это не выглядело усилением, вальяжно выносил весло, потом, зевающе размыв паузу, словно нехотя окунал его – и тут на четверть секунды, в стук сердца, совпадал с чуть более длинным, но тоже не особенно напряжённым гребком Зуева. В этой четверти секунды и заключалась вся сила, внешне лёгкая и ленивая. Кроха за крохой, разрыв возрастал. В сущности, ситуация не изменилась. Все три лодки шли спокойно, с большим запасом, только одна из них нечаянно отделилась, а две другие, взаимно остерегаясь, приотстали.

Они шли по краю солнечной тени, незаметно отодвигающей байдарку правой и правой. И когда остался уже узкий коридор тепла, а левый берег, было приникший, вдруг вздыбился, заблестав скальцами, сделался перекат, за ним крутой поворот, – и наступил, очень быстро и мягко, как от шёпотом отданного приказа, вечер...

Зуев выдернул ветровку. Погружаясь в зябкую тишину повечерья, когда мудрствованием Белова все препятствия были одолены, он испытывал сладковатую тревогу, что наступит какая-нибудь запоздалая белая ночь, которую можно будет плыть насквозь, лавируя меж призраков и сказочно не уставая, но кто знает, по какую сторону чего оказавшись нагим и холодным утром. А теперь хотелось сохранить жар тела; и поднимался ранний туман.

Тоже одеваясь, Белов развернулся боком и увидел преследователей. До них уже был полный кабельтов. Они по-прежнему не волновались, вяло комбинируя на перекаате. Он застегнулся и взялся за весло, всем видом показывая, что никуда не собирается, доставайте. Река тем временем входила в извивы, очень удобные для атаки, если её не упредят. Он выжидал минут двадцать. Сзади было спокойно.

Смеркалось не темнотой, а туманом. Вокруг лодки, отдаляя прочие явления, уплотнялась тишина, разрываемая лишь ритмичным всплеском вёсел, – и прямо над этой тишиной, очень высоко, разнеслись томящие клики.

– Журавушки, – вздохнул Белов. – Вот незадача, и не видать...

Клики прошли наплывом и схлынули. Стало вдруг одиноко.

– Всё-таки попробуем? – сказал Белов. – Хоть километр наиграть, и то покрепче.

Они принялись и постепенно нарастили темп до той привычно-заветной отметки, где он в точную меру совпадает с бьющейся внутри него силой. Против недавнего, это был хороший рывок, должный бы откинуть соперников, вот только позади нельзя было ничего рассмотреть.

Белов попытался на память представить себе оставшуюся часть карты, восьмикратным свёртышем приютившейся в нагрудном кармане. Это не затруднило, но какого-то содержания не хватало. Даже в перспективе воображения было странно никого не догонять. Он смотрел на полоску зуевской шеи, обнажаемую лёгким наклоном головы при начале каждого гребка. Перед Зуевым река лежала ёмко и неведомо. Приближаясь к одному берегу, – другой оттушёвывался, вызывая ощущение предстоящей пустоты. Защищённый своим рулевым, Зуев легко вырывался из мысли и спинного зуда о стреле гонки, наконечником которой он сейчас был. Объём будущего пути представлялся ему подобием сильного, гнетущего ветра, от которого нужно отворачиваться, чтобы дышать. Он разрезал туман, а тот сгущался.

И постепенно работа стала угасать. Зрительно пропадая как в вату, скорость не могла поверить в свою реальность. Да и вряд ли сзади уследили этот рывок.

Между тем стали наползать опасные журчания. Было неприятно их появление прямо перед носом, а иногда вёсла задевали о камни. Оба берега исчезли. Белов, аккуратно ведя, сместился к середине. Для ночлега все же было рано, и он хотел максимально продвинуться. Некоторое время байдарка, следуя течению, просто потерянно плыла.

Вдруг берег показался прямо перед ними.

– Влево! – отчего-то шёпотом скомандовал Зуев. – Сбились, кажется.

– Это остров, – тоже тихо ответил Белов.

Действительно, течение раскалывалось, направо уходя под ивы, а куда они пошли – балуя средь камней. Белов отвёл подальше и двинулся параллельно линии острова, одновременно приближаясь к левому берегу. Минут через десять они почти миновали остров, а дальше, направо, опять тянулась туманная гладь. И там, в этом пространстве, надрезая край глаза, что-то внезапно возникло, выросло, выступило из тумана...

Зуев повернул голову и вздрогнул. Это была байдарка.

Белов удивлённо перестал грести. Это была посторонняя байдарка. На других-то реках он немало встречал их, а здесь ошарашило.

Байдарка была той же конструкции, что и их, но трёхместная. Привыкши к двойкам, она казалась неуклюжей и гипертрофированной. Впереди и бесшумно, она огибала остров с другой стороны, под острым углом находясь на том пределе видимости, когда угадкой ещё можно рассмотреть черты лица, а общий облик дрожит и расплывается, обещая вот-вот пропасть.

Впереди сидела молодая женщина в жёлтом, по которому были рассыпаны тёмные волосы, чуть ниже плеч, вокруг головы схваченные узкою алой лентой. Повязка отчёркивала высокий и нежный лоб. Женщина гребла старательно, но неверно. Она почти сразу же сгибала руку, вынося весло коротко и набок, будто подставляя изгиб локтя поцелую невидимого Пана. От этого движения её выглядели ломкими и до жалости наивными, что последовательно перетекало в лёгкость – и мягкость, – и неожиданным итогом впечатления оказывалась гармония, как у юной матери, неумело, а с чем-то уже тайно-собственным ласкающей дитя; и тем более эта материнская нотка была тут же подтверждена, хотя не совсем о юности, потому что мальчику, чья русая головка неподвижно светилась в середине байдарки, даже на таком расстоянии можно было дать девять с половиною лет. Он сидел как читая, но для чтения слишком стемнело.

На том, кто вёл байдарку, была кепи с длинным козырьком, как бы отгораживающим лицо. Его глубокая и чистая гребля одновременно контрастировала с повадкой жены – и, сливаясь, поглощала её. В его манере Белову мгновенно охнулось что-то зуевское, подобное, может

быть, ещё кристальней и резче, благодаря дистанции тумана. Мощь в этом мужчине не стояла, а вспыхивала, зависая над мигом релакса, – и гребки выходили протяжно-лёгкими, как с горы.

Тройка набирала ход.

Зуев, не отрывая глаз, с какой-то машинальностью потянулся вперёд, сделал резкий гребок, потом ещё и ещё, разгоняя лодку. Белов выждал несколько секунд, – Зуев не оборачивался, ташил в одиночку. Тогда Белов набрал на лопасть толику воды и швырнул в затылок напарнику, овеществляя иронию. Зуев не обратил внимания. Белов вздохнул и неохотно подключился.

Остров носато тянулся, сохраняя угол меж лодками, словно ринувшимися в асимптотический перерез. Туман стеною окружил звуки. Плеск вёсел никуда не уносился, оставаясь в тесном овале, который за мах проделывала байдарка.

Белов с Зуевым постепенно разработались по-настоящему, один – за компанию, другой – каким-то нервным азартом. С тройки их не заметили и вряд ли уже могли: она легла на параллельный курс, далеко впереди, и катила сама собой, не ведая соседств. Теперь, когда можно было сравнивать, гребцы придавали ей странную, несоразмерную скорость, словно её скольжение руководствовалось какою-то невидимой дополнительной силой. Расстояние не сокращалось, наоборот...

Зуев ещё добавил. Собственное сбивающееся дыхание, бульканье и чмоканье разрываемой металлическими ударами воды и внутренние скрипы байдарки, в которой что-то разладилось и устало, ненароком прищемив нервы, – всё это обволакивало ход двойки в некую плёнку; а по ту сторону, как в другом пространстве, с массивной стремительностью миража двигалось острогрудое чудовище, и голова мальчика, замершего над своей невозможной книгой, чудилась принадлежностью рангоута.

Исчезло несколько минут. Тройка растаивала, погружённая в туман, так что и вёсла будто отталкивались от тумана, сообщая лёгкости прелесть невесомости, – всё дальше и дальше. Вот она качнулась, что-то огибая, и призраком пропала. Только блеснул алый ободок...

Белов первый ослабил. Он хотел сказать, что они и так пашут целый день, а тут... но не сказал. Нужно было побыстрее отыскивать стоянку.

Зуев грёб уже тихо и заворуженно. Высадившись, он долго, до четвёртой спички, не мог справиться с костром. Белова, натягивавшего изголовье палатки, не было видно, – и палатка шебуршала и вздрагивала сама собой, распрастывая широкие крылья тумана.

10

Попутру туман сохранялся. Уже собравшись, гончики сидели у воды, ожидая, когда расчистится, и прислушивались, не пройдёт ли кто мимо них. Вскоре заветрило, – и туман потёк в небо, ставшее полосатым и грустным; но потеплело слабо. Вдоль левого берега, чья низкорослая ширь этою ранней хмарью казалась вольней и уютней, лодка шла вялым, вживающимся ходом.

Потом они увидели солнце. Оно отодвинуло крышку неба, прорезав над горизонтом тонкую и длинную полоску чистоты, в которую на глазах вливалось, упираясь лбом в тучи. Но те больше не сдвигались. Полоска оставалась тесна светилу, – и, заполнив её, оно оказалось между двумя венозно-серыми плоскостями, обратным срастанием сплюсцивающими солнце, которое от натуги всё сильнее краснело, едва не лопааясь. Края сомкнулись, солнце вошло и исчезло, – и стало ясно, что больше его не будет.

Белов проснулся лишь на первом перекате. Он вспомнил о вчерашнем привидении, бежал взглядом берега, посмотрел назад, – и там, в глубине поворота, уже накатывали Дёмины. Белов смочил цевьё, отметив, что вода градуса два потеряла, сел поудобнее и сосредоточился на реке.

Это была уже не та гонка, как в первые дни, когда можно было выбрать лакомый ручей, перекинуться, опершись на тугую мышцу струи, фразами тут же испаряющегося разговора, пожмуриться в дали. Теперь почти не останавливались. Лишь изредка, снисходительно впадая в детство, река напухала перекатами, где удавалось вниманием чуть отдохнуть от монотонности.

Зуев грёб с особенной силой. Нытьё ягодиц и эта болезненная линия поперёк позвоночника в нём давно окостенели, а от наступившей погоды душа сжалась. Иногда он начинал непроизвольно торопиться, и тогда вскидывал голову, паузой сбивая Белова, внимательно осматривал берега и вновь погружался в самозабвенную работу. Белов тоже коротко озирался. Но Дёмины, видимо, сегодня не собирались прохладиться.

Левый берег совсем опустился и заболотился, так что насухо пристать к нему, думалось Зуеву, было нельзя. Кое-где его прорезывали речушки, с веретеным жужжанием принося красноватыми языками галек к материнскому руслу; а некоторые, постарше, вливались с бесшумным достоинством, стыдливо оплетая своё лоно ветвистыми арками ветел... Правый же берег был сухохоен и бугрист.

Перешло за полдень, а впечатление утра сохранялось.

– Вот она! – неожиданно сказал Белов.

Сердце ёкнуло, и Зуев замер. Но никого не увидел – ни на берегах, ни на реке, которая, прорезав податливый яр, устремилась глубокий крюк к востоку. Разве что одинокий селезень тяжело взлетел, словно плюхаясь из воды в воздух, и спрятался за кустами.

– Кто? – спросил Зуев.

– Лука, помните, я вам обещал? Вот она и есть. По реке километров пять-шесть тут выйдет, а напрямик...

Белов подвёл к берегу, указывая рукой насквозь. Лес в этом месте отступал, обнажая пологий кустистый холм с россыпью мучительно-ярких под бледным небом цветов. Никакой тропинки, правда, не было...

Гонщики быстро упрятали вещи в рюкзаки. Преследователи, которых было уже две байдарки, ещё не подошли, плескались где-то в извилах. Белов, загадочно повертевшись на месте, сориентировался, и они, взяв на плечи лодку, куда-то направились.

– Так сколько напрямик?

– Да метров пятьсот, – беззаботно сказал Белов. – Вон на ту верхушечку...

Они взобрались на верхушку, за которой вниз были заросли по пояс, а там ещё один подъём, вдруг пропавший, пока они продирались. Они увидели холм сбоку и, все в поту, поднялись, но с высоты места нигде не было видно воды, – кругом расстиралось млечно-зелёное, в малиново-голубом разрябьи, море. Чтоб плыть в нём, нужно было не двигаться. Зуев зачарованно оглядывался.

– Туда, – тяжело дыша, показал Белов.

Там, когда они спустились, за плотную дугою кустов – было несомненное ощущение: вода. Они просквозили напролом. В кедах захлюпало, и они разочарованно остановились. Здесь лежал скучный кочковатый луг. Хотелось побыстрее найти угол и зайти за него. Рыскнув ещё туда-сюда, гонщики в изнеможении опустили байдарку. Уже не меньше километра наплутали они сомнительной сушей.

– Давайте так, – сказал Белов, – я бегом разведу, где-то же рядом, а вы весло поднимите, чтобы я видел.

– Не надо. Вон... – показал Зуев.

Невдалеке, но поперёк их последней попытки из верб легко вытрусил Дёмины. Байдарка мерно покачивалась на плечах. Их чёрные волосы смешно были обсыпаны белыми пушинками. Следом тащились Кравченко с Микипорисом. Кравченко споткнулся и провалился по колено,

взбрызнув гнилой фонтанчик. Потешная полотняная кепочка каким-то фокусом держалась на его темени.

– Глаза разуй! – крикнул сзади Микипорис.

Кравченко увидел Белова с Зуевым, виновато улыбнулся и помахал им свободной рукой. Присоединившись к процессии, взявшей довольно неожиданное направление, они убедились, что берег, действительно, рядом: всего минуты через две, как потерявшийся, но тут же, прежде обоюдного испуга, найденный ребёнок, блеснула река. Стальной цвет её улыбки вызывал ощущение чего-то болезненно-родного, словно милого в недуге лица, в котором просвечивает зов заботы...

Раскладывая вещи и спуская лодки, все три экипажа настороженно переглядывались. Какие-то слова, конечно, были, но заключали в себе лишь короткие отодвигающие просьбы. Для пятачка берега – обособленность была концентрирована и остра. Белову было неловко перед Зуевым и за свою промашку, и за эту теперь нервозность, и он задержался последним, переобуываясь, хотя видел, как, снова посадив Кравченко на руль, шибко отходит Микипорис.

Команды в этот день взяли обед в очень разное время, Дёмины – так вообще в четыре часа, и это всех сильно рассквозило. Вообще, хотя границы ходового дня были иззубрены и строго не регламентированы, существовала, по-видимому, какая-то стягивающая сила, эта гонки, не позволяющая, кроме напрочь отставших, слишком разбредаться по реке, а под финиш так и вовсе сжимающая пружину сюжета. В результате, ближе к вечеру ситуация возобновилась: впереди, в хорошем раскате, шли два экипажа, а поодаль, держа их в прицеле внимания, Белов. Убежать, раз осекшись, сегодня он бы уже не мог. Зуев по-прежнему работал горячо, вспышками приглядываясь к правому берегу и равнодушно проскальзывая мимо левого, всё болотисто-сонного. *тёмная энергия*

Было семь часов ничем не обнаруживаемого вечера. Микипорис шевельнул плечом, проточив на шее чугунную складку, – и в Кравченко что-то неуловимо изменилось. Он подобрался и словно слился с собственными движениями. В десяток широких мазков их байдарка легко оторвалась.

Белов прибавил и стал подтягиваться. Дёмины тотчас переклеились, ловя воду. Их, может быть, слишком убаюкал последний час. Ещё сытые, но уже не свежие, они продержались недолго и потихоньку начали откатываться, с одним на двоих напряжённым выражением лиц.

К начавшейся схватке Зуев отнёсся со странным безразличием. Он держал динамику, задаваемую Беловым, а взглядом прильнул к апельсиновой корме, как к лунной дорожке, которая не существует целью и живым событием... Впереди, не оборачиваясь, взвинтили темп. Зуев машинально принял атаку. Белов закусил губу. Если поверить, что Кравченко с Микипорисом хоть полчаса выдержат такой гон, то регату можно было считать решённой. Но следовало зацепиться.

Передняя байдарка шла сейчас глассером, в мареве брызг, дробью потопив все мелодические виляния и веления реки. Валя Кравченко и так был не очень-то замысловат, а тут, придя в редкостный азарт, ломил по кратчайшему пути, проводя прямую сразу в видимый конец русла. Белов же, хоть это и казалось длиннее, держался своей обычной манеры. Аккуратными углами обрабатывал он берега, используя всякие намётки помощи, разгоняясь виражами лекал, любовно выложенных рекою, и отрезками размытых пунктиров соединяя их по плёсам. И в этой работе раскроя воды Белову, возможно, более всего нравилось, что бурный пример постоянно перед глазами пытается опровергнуть его страсть. Разрыв возрос, но нити не лопнули. А затем – куда быстрее, чем думал Белов, – на лодке Кравченко переключились какие-то регистры, напор ослаб и всё пошло спокойнее. А сзади Дёмины, убедившись, что и у виртуозности есть переделы, расположились в золотом сечении от первых двух байдарок. Или река в гармоническом экстазе сама так распределила их...

Далее, до самых сумерек каждый экипаж старался не ухудшить своего положения. Эта взаимность минимализма произвела скорость, сполна насыщающую дух и ничего не меняющую... На западе разлилась тревожная гематома. Лес, надменно тянущийся обрывом, посерел и заскучал. Линии суши расплывались в воздухе, линии реки – укорачивались.

Было недолго до остановки, и правый берег предоставлял немало удобств, чтобы, не заботясь о месте, просто дорабатывать день... как вдруг в Зуев что-то иссякло. Он сам не понял куда, воздухом из шарика, делось из него владение скоростью. Вода стала тугой и он едва-едва, соломинкою – густой кисель, шевелил в ней веслом. Белов сразу почувствовал, что это не просто пауза. Он и сам, умаявшись, уже присматривался к сумеркам, но, конечно, не бросил бы гребли. Несколько минут Зуев апатично наблюдал, как Белов берёт на себя, а потом, не совладав, понижает, подстраиваясь. Тем временем обок выросли, мягко спуртуя, Дёмины, обошли и вклинились в расстояние. Зуев ждал какой-нибудь ободряющей резкости, осталось немного, хватит себя жалеть, лопни моя селезёнка... Белов подумал, что Микипорис нашёл бы слова, но это зря. И примирительно он сказал:

– В самом деле, хватит на сегодня... Утречком отыграем, куда они денутся.

На берегу Зуев повеселел от забот. Палатку он выставил, наверное, быстрее, чем обычно Белов, потом пошёл к костру помогать и, перехватив котелок, сам принёс воды. Он всё делал, будто куда-то торопясь – то ли действовать, то ли спать.

Белов, наоборот, сойдя с круга работы, достиг размаривающего изнеможения. На берегу земное тяготение словно удвоилось. Он чувствовал усталость почти болью тела, доходившей до каких-то коричневых глубин, озаряемых огненными вспышками, – и, не дождавшись, когда пламя сникнет тлеть, Белов уполз в палатку, где сразу уснул, зная, что весь этот качающийся красно-чёрный мир моментально исчезнет – и не возвратится.

Зуев очертил пошире костровой круг и вскоре тоже съёжился в одеяле. Вокруг всё плыло и, не нащупав опоры, переворачивалось. Являлись лица, тянулись слова, которые сладко было произносить, но исчезающие прежде, чем был отъят от губ последний звук, чьё-то холодное дыхание склонялось над ним... – и посреди ночи Зуев внезапно, как вспоминаешь мучающее имя, осознал, что не спит и даже, кажется, не спал, потому что ни одного фантома из тех, что подступали к нему, не осталось в памяти. Он повернулся и выждал неизвестное время, испещрённое подвохами: так мёртво не сдвигалась с места ночь, пронося в сознании года и судьбы; и всё равно не заснул, а попал куда-то, в чём, наоборот, нужно было каждую секунду просыпаться. Сон, став явлением спазматическим, превратился в качели. Зуев поминутно падал в неизвестную и очень важную чистоту, которой не оказывалось, – и он раскалывал её лбом, выныривая в лижущую прохладу правды. Полная правда заключалась в пирамиде палатки с вписанным в неё, остриём к сердцу, треугольником тревоги, чему тихо и влажно аккомпанировал Белов; а далёкий прозрачный свист, на зов которого взмывало встать и идти, принадлежал собственному носу.

Он окончательно очнулся. Серо светало. Зуев выбрался из палатки. Было хрустально тихо. Низкий туман разлился густо, вылитый из невидимого ковша. Зуев потоптался около кострища. Было неуютно разворачивать эту тишину.

Брякнув спичками, он присел и снова встал и отошёл, отыскивая бересту, но о бересте не думал. На краю полянки, опёршись ладонью о сосну, он замер. Кора сосны была теплее воздуха, – должно быть, внутренние силы превращали дерево в живой сочувственный организм. Зуев стоял, поглаживая кору и сам себе не признаваясь в своём размышлении...

Палатка всплывала из тумана двойным ало-белым парусом. Такие паруса, маленькие и большие, одинарные и сложные, косые и ещё какие-то, с их многоступенчатыми флибустьерскими названиями, всю жизнь соседствовали Зуеву. Он с любопытством и попыткой любви наблюдал, как упругие ткани вензелями разгоняли ёмкие судёнышки до не доступных ему ско-

ростей. Он даже абстрактно завидовал, но его как-то стыдила их непрерывная зависимость от ветра.

Зуев ещё раз посмотрел на потустороннюю палатку, вдруг повернулся и, сперва будто пробуя, а потом всё быстрее и быстрее, пошёл берегом. Через несколько минут, когда стук сердца успокоился, наступила невесомость.

Он двигался вспять реки. Крутояр, местами спадавший прямо в булькающее еле слышно молозиво, был росист и бестропен, но травы теребились у щиколотки, а большей частью под ноги стлались мхи, попадался, едва рдея, брусничник, мелькала голубая ягода, – и лес был расстворен вдосталь, давая лёгкий путь. Меняя шаг на бег, Зуев вольной лесной припрыжкой пересекал берег. Иногда он оказывался на самой его кромке и, на секунду остановившись, осматривал подножие и противоположную сторону. С удивлением он видел, что может отличить то или иное место, мимо которого вчера проплывал. Это уподобляло путь рондовой мелодии, круг за кругом в тянущемся заунывии которой вспыхивают огоньки и прикрасы, и даже само расстояние оказывается таким оттенком среди прочих, – и река развивается, нигде не повторяясь, разрастается мотивами и поёт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.